

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
III международной научно-практической конференции*

№ 8 (48)
Август 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий Череповецкий государственный университет;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент НП "СибАК".

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам ЛП междунар. науч.-практ. конф. № 8 (48). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 94 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
Секция 1. Политология	5
1.1. История социально-политических учений России	5
ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ ПО РЕШЕНИЮ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ ПРОБЛЕМЫ Алиева-Мамедова Гюнель	5
Секция 2. Социология	11
2.1. Социология управления	11
МОТИВ КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ Наумова Елена Вадимовна	11
Секция 3. Философия	17
3.1. Социальная философия	17
ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ Э. ЛЕВИНАСА Тимо Оксана Степановна	17
3.2. История философии	25
ДИСКУРС О МАКИАВЕЛЛИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ 1920—30-Х ГГ. Кароннов Сергей Анатольевич	25
3.3. Философские проблемы образования	33
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПЕДПРОЦЕССЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА Шаповал Галина Николаевна	33
Секция 4. История	39
4.1. История России	39
ПРОКУРАТУРА В ДУХОВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ДИСКУССИИ 70-Х ГГ. XIX В. Никитин Алексей Владимирович	39

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О БЕЖЕНЦАХ КОМИТЕТА В 1915—1917 ГГ. Павлова Оксана Сергеевна	45
ОЛЬГА ПЛАТОНОВНА ВЕЙСС — ПОТОМОК ДЕМИДОВЫХ И ДАЛЕЙ Пакшина Наталья Алексеевна	49
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИМЕНИЯХ ДВОРЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. Федосеев Роман Васильевич	60
ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ БЮРОКРАТИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) Шестаков Максим Валерьевич	68
4.2. Документоведение, архивоведение	80
ПРОВЕРКА ОРФОГРАФИИ В ТЕКСТОВОМ РЕДАКТОРЕ WORD 2013: ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ Лавошникова Элина Константиновна	80
4.3. История науки и техники	87
ФОРМИРОВАНИЕ МИФИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ДРЕВНИХ КЫРГЫЗОВ Орузбаева Гульнара Талгатовна Саякбаев Желден	87

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ РОССИИ

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОЙ ГРУППЫ ОБСЕ ПО РЕШЕНИЮ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Алиева-Мамедова Гюнель

д-р философии по истории,

Бакинский Государственный Университет,

Республика Азербайджан, г. Баку

E-mail: gunel-aliyeva-mamedova@hotmail.com

THE FORMATION AND ACTIVITY OF THE OSCE MINSK GROUP ON THE UPPER- KARABAKH CONFLICT

Gunel Aliyeva-Mamedova

Ph.D., Baku State University,

Republic of Azerbaijan, Baku

АННОТАЦИЯ

Начиная с 1992 года, Нагорно-Карабахский конфликт превратился преимущественно в проблему международного значения. После того, как Азербайджан стал членом СБСЕ, в соответствии с принципами данной организации, решение Нагорно-Карабахского конфликта оказалось в центре внимания государственных участников. Вскоре была создана Минская группа ОБСЕ для урегулирования конфликта. Из-за безрезультатных попыток урегулирования конф-

ликта, сегодня, позиция Минской группы в урегулировании армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта отодвигается в сторону.

ABSTRACT

Since 1992, the Nagorno-Karabakh conflict has become predominantly a problem of international importance. After Azerbaijan became a member of the CSCE, in accordance with the principles of this organization, the solution of the Nagorno-Karabakh conflict was in the focus of public participants. Soon it was established the OSCE Minsk Group for settlement of the conflict. Due to unsuccessful attempts to settle the conflict today, the position of the Minsk Group in the settlement of the Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh conflict pushed aside.

Ключевые слова: Нагорный Карабах; Минская группа ОБСЕ; Лиссабонский саммит; сопредседатель.

Keywords: Upper Karabakh; Minsk group; OSCE; Lissabon summit; co-chair.

Среди конфликтов, которые бушевали на Кавказе с 1988 года, конфликт из-за Нагорного Карабаха занимает по причинённым им человеческим страданиям и материальным разрушениям второе место (хотя и со значительным отрывом) после чеченского. Но по своему геополитическому значению и по риску перерасти в войну, охватывающую целый регион, он, очевидно, занимает первое место среди всех конфликтов в постсоветской Евразии.

Это единственный конфликт, о котором говорили с определённым основанием, как о конфликте, который несёт в себе угрозу «третьей мировой войны».

Конфликт бушует в непосредственной близости от трёх государств, каждое из которых претендует на роль «регионального центра силы» — России, Турции и Ирана. В разное время и Турция и Иран серьёзно рассматривали возможность своего прямого вовлечения в конфликт, что каждый раз вызывало резкие протесты России. Россия постоянно вмешивалась в конфликт, когда считала, что это способствует достижению её заветной цели — восстановлению своего контроля над Южным Кавказом [2, с. 468].

Начиная с 1992 года, Нагорно-Карабахский конфликт превратился преимущественно в проблему международного значения. 30 января 1992 года Азербайджанская Республика стала членом Совета по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и 8—10 июля того же года на саммите СБСЕ в Хельсинки подписала соответ-

ствующие документы. После того, как Азербайджан стал членом СБСЕ, в соответствии с принципами данной организации, решение Нагорно-Карабахского конфликта оказалось в центре внимания государственных участников [4, с. 883].

Начиная с этого периода, Азербайджан выдвигал проблему армянской агрессии перед СБСЕ. Совет министров этой организации принял решение в кратчайшие сроки созвать в Минске конференцию с участием представителей США, России, Турции, Финляндии, Азербайджана и Армении. 7 мая в регион прибыл первый председатель Минской конференции Марио Рафаэлли.

На каждую положительную международную инициативу Армения отвечала очередным актом агрессии. 8 мая 1992 года Армения захватила Шушу. Таким образом, вся территория Нагорного Карабаха оказалась захваченной армянами, всё азербайджанское население этого края превратилось в вынужденных переселенцев [5, с. 136—137].

Урегулирование армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта мирными средствами, начиная с 1993 года, заняло основное место во внешнеполитической деятельности Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева [4, с. 885].

В начале 1997 года стали известны факты незаконной передачи Россией Армении современного оружия общей стоимостью более 1 млрд. долларов. Именно тогда же выяснилось, что Россия начала поставлять это оружие с 1993 года, т. е. со времени, когда между Арменией и Азербайджаном проводились военные операции. Тем самым она создала условия для оккупации территорий Азербайджана вооружёнными силами Армении. Вооружать Армению Россия продолжала и после объявления режима прекращения огня.

В целях урегулирования конфликта мирными средствами именно благодаря решительности и напряжённой деятельности Президента Гейдара Алиева 12 мая 1994 года было достигнуто соглашение о прекращении огня, и после этого начали проводиться регулярные переговоры в рамках Минской группы ОБСЕ.

5—6 декабря 1994 года состоялась Будапештская встреча глав государств, где было принято решение установить сопредседательство в процессе [9, с. 31].

В своём выступлении на Лиссабонском саммите президент Азербайджана Гейдар Алиев отметил: «Совет Безопасности ООН принял четыре резолюции и шесть заявлений председателя, в которых содержится немедленного полного безоговорочного вывода вооружённых сил Армении со всех оккупированных территорий Азербайджана, возвращения беженцев в места их постоянного проживания. В этих документах подтверждается суверенитет и территориальная

целостность нашей республики, принадлежность Нагорного Карабаха Азербайджанской Республике. Однако, все эти решения игнорируются Республикой Армения».

На саммите было принято историческое решение. В заявлении говорилось: «три принципа, которые должны формировать часть урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта были рекомендованы сопредседателями Минской группы. Эти принципы поддерживаются всеми государствами-членами Минской группы. Они следующие: территориальная целостность Республики Армении и Азербайджанской Республики, правовой статус Нагорного Карабаха, определённый в соглашении на основе самоопределения, которое предоставляет Нагорному Карабаху самую высокую степень самоуправления в составе Нагорного Карабаха и всего его населения, включая взаимные обязательства обеспечить выполнение всеми сторонами положений урегулирования...» [8, с. 373].

После Лиссабонского саммита наряду с Россией, сопредседателями Минской группы также были назначены представители США и Франции. Сопредседатели Минской группы со второй половины 1997 года начали выдвигать 3 предложения, состоящие из 2 частей — освобождение 7 оккупированных районов, расположенных за пределами Нагорного Карабаха, и определение статуса Нагорного Карабаха [4, с. 886—887].

Первое предложение выдвинутое ими в июне 1997 года, предусматривало «пакетное» решение конфликта (этот вариант предполагал достижение одновременного согласия по всем вопросам, включая, и статус Нагорного Карабаха) [4, с. 887].

В сентябре 1997 года тройка ОБСЕ выдвинула новое мирное предложение по Карабаху, предусматривавшее поэтапное достижение мира. В соответствии с этим предложением вопросы о выводе войск из оккупированных территорий и возвращении беженцев, а также о снятии блокады и развёртывании миротворческих сил следовало рассмотреть на первом этапе переговоров: проблема же статуса Нагорного Карабаха должна была решаться на втором этапе [2, с. 462].

9 ноября 1998 года сопредседатели выдвинули третье, противоречащее нормам международного права абсолютно неприемлемое для Азербайджана предложение. Оно основывалось на не существующей в мировой практике идее «общего государства» [4, с. 887].

В ответ на предложение сопредседателей Минской группы концепции «общего государства» Г. Алиев заявил, что это предложение можно считать «похороненным», т. к. оно направлено на фактическое предоставление независимости Нагорного Карабаха.

На саммите в Стамбуле 15—16 июля 2010 года Г.Алиев заявил, что Минская группа не справилась со своими задачами, и поэтому он был вынужден перейти к прямым контактам с Кочаряном.

В 1998—1999 гг. на территории Армении были размещены российские истребители и зенитно-ракетные комплексы. В Тбилиси на российском военном заводе производился ремонт танков для Армении. При посредничестве России Китай поставил Армении восемь ракетных установок «Тайфун». Все эти шаги подтолкнули Азербайджан в сторону сближения с НАТО [6, с. 493, 494].

В целом, процесс посредничества может быть разделён на пять фаз. Первая относится к 1992 году и характеризуется доминированием посредничества ОБСЕ над самостоятельными попытками отдельных стран наладить переговоры. Вторая фаза связана с утверждением России, своих интересов, что привело к снижению влияния и роли ОБСЕ. Третья фаза — с декабря 1994 года по конец 1996 года — характеризуется увеличением сотрудничества и ростом доверия между ОБСЕ и Россией. Четвёртая фаза с 1997 года, когда Франция и США вместе с Россией стали сопредседателями Минской группы. Пятая фаза — это прямые переговоры между президентами двух стран, при которых ОБСЕ фактически отодвигается в сторону [2, с. 458].

Представители государств, входящих в организацию Минской группы признают захваченной армянами территории неотъемлемой частью Азербайджанской Республики, но на практике члены организации топчутся на месте, не принимают справедливого решения [1, с. 52].

В последнее время сопредседатели Минской группы ОБСЕ обеспокоены отсутствием прогресса в Нагорно-Карабахском урегулировании [3, с. 5].

Посол США в Азербайджане Ричард Морнингстар сказал, что выхода для выхода из сложившейся тупиковой ситуации в урегулировании армяно-азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта чрезвычайно важна для вовлечённых в конфликт сторон [3, с. 5].

Президент Азербайджана Ильхам Алиев на встрече с гостями прибывшими в Баку для участия в международной конференции «Возведение мостов» заявил, что самой большой проблемой Азербайджана является проблема Нагорного Карабаха, потому что конфликт не заморожен, а мир довольно хрупок. «Это действительно очень опасная ситуация. Условие «ни мир, ни война» не может продолжаться вечно. Однако армяне хотят закрепить этот статус-кво, не хотят ничего менять и освободить оккупированные территории.» [7, с. 3].

Заместитель иностранных дел А. Азимов отметил, что время от времени сопредседатели Минской группы ОБСЕ проводят встречи на соответствующих уровнях. «Периодические визиты сопредседателей в регион не могут быть действенными. Они каждый раз во время визита узнают мнения сторон конфликта, а потом говорят, что продолжают обсуждения с международными организациями.

Посещая Азербайджан, они изучают здесь позицию, потом отправляются в Армению, затем же проводят встречи в рамках международной организации — в ООН, ОБСЕ и говорят о том, что и Армения, и сопредседатели занимаются спекуляциями по вопросам урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта» [7, с. 11].

Подводя итоги данной статье, приходим к выводу, что решения Минской группы ОБСЕ носят формальный характер. Поэтому, сегодня, позиция Минской группы в урегулировании армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта отодвигается в сторону, т. к. правительство Азербайджана перешло к прямым контактам.

Список литературы:

1. Алиев Дж., Будагов Б. «Турки, азербайджанцы, армяне: «геноцид» исторические правды». Москва, 2002, — 54 с.
2. Азербайджан и Россия: общества и государство. Ред.- составитель Фурман Д. вып. 4, М., 2001, — 492 с., «Мир, прогресс, права человека».
3. Бакинский рабочий суббота, 29 сентября 2012 г. № 181 (26897) Ричард Морнингстар «Для выхода из тупика в урегулировании нагорно-карабахского конфликта важна воля сторон».
4. Гасанов А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку, “Şərq-Qərb”, 2007, — 903 с.
5. Гасымлы М. Агрессии Армении против Азербайджана. Дипломатические усилия по решению Нагорно-Карабахского конфликта. Международный научный журнал “Кавказ и мир”, Тбилиси, — № 10, — 2011, — 165 с.
6. Гусейнова И. История народов Кавказа (новый и новейший периоды) Баку, 2006, — 603 с.
7. «Зеркало» № 178, суббота, 29 сентября, 2012 «И Азербайджан готов продолжить бессмысленные переговоры».
8. Шукуров И. Дипломатия мира (об итогах визитов Президента Азербайджанской Республики Алиева в зарубежные страны (1993—1997 гг.). Баку, “Азербайджан”, 1997, — 392 с.
9. Əhmədov E. Ermənistanın Azərbaycanla təcavüzü və beynəlxalq təşkilatlar. Bakı, “Tuna”, 1998, — 137 s.

СЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МОТИВ КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Наумова Елена Вадимовна

*канд. соц. наук, доцент кафедры социальных коммуникаций
и социологии управления Новосибирского государственного
университета экономики и управления «НИИХ»,*

РФ, г. Новосибирск

E-mail: e_naumova@mail.ru

THE MOTIVE AS A SPECIAL KIND OF SOCIAL ACTION

Elena Naumova

*PhD of Sociology, Associate Professor, Department of Social
Communication and Sociology of Management,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

Важной теоретической проблемой социального управления является объяснение механизма детерминации поведения индивидов, групп и социальных институтов. Решение этой проблемы автор видит в «социальном действии», особым видом которого является «социальный мотив». В статье дано определение «социального мотива» и описаны его специфические свойства.

ABSTRACT

The explanation of the mechanism of determination of the behavior of individuals, groups and social institutions is an important theoretical problem of social management. The solution to this problem the author sees in the "social action", because the "social motive" it is a special kind of "social action". The paper provides a definition of "social motive" and described its specific properties.

Ключевые слова: мотивация; социальное действие; социальный мотив.

Keywords: motivation; social action; social motive.

Важность понимания механизмов мотивации индивидов и групп обусловлена тем, что в социальных системах поведение субъектов определяется их внутренними побудительными причинами (мотивами). Главной нерешенной проблемой теорий мотивации является отсутствие способов сравнения между собой различных потребностей и определение последовательности их удовлетворения. По мнению автора, решить эту проблему может «социальное действие». Как показано в [1], удовлетворяя биологические и психические потребности, субъект ведет себя «социально». То есть, эти потребности активизируют не биологическое или психическое, а «социальное действие». Причиной социального действия выступает «социальный мотив», в котором потребности теряют свою несравнимую предметную специфику, но приобретают оценку «важности», позволяющую субъекту сравнивать социальные мотивы между собой и определять очередность их удовлетворения.

Автор считает [2], что «социальное действие» — это особый вид деятельности, результатом которой являются представления социального субъекта (индивида, группы, социального института) о том, что можно (фактор свободы), и чего нельзя (фактор необходимости) при возникновении некоторого события, будь то природное явление, или чье-то целенаправленное действие. Структура социального действия состоит из тех же элементов, что и любая другая целесообразная деятельность. Кроме результата деятельности (представления о том, что можно и чего нельзя), она включает в себя способ (процесс, технологию) получения этого результата, исходный предмет деятельности (информацию о событиях), средство деятельности (методы получения и обработки информации) и собственно субъекта деятельности (индивида, группу, социальный институт). Эти элементы связаны отношениями обусловленности. Результат

появляется после завершения процесса, а процесс начинается при одновременном наличии средства, предмета и субъекта деятельности. Эту трехуровневую иерархическую структуру мы называем базовой моделью социального действия. Главное свойство социального действия определяется тем, что и предмет, и результат социального действия — это информация. Она может, как соответствовать объективной реальности, так и не иметь с ней ничего общего. Социальное действие — это не сама реальность, а субъективный образ реальности.

Каждый элемент базовой модели социального действия обладает специфическими свойствами, что позволяет ему формировать частный вид социального действия, имеющий свою особую функциональность. Одним из таких частных видов социального действия является социальный конфликт. В [3] автор показал, что неконфликтное «социальное действие» становится «социальным конфликтом», когда у субъекта возникает негативное отношение к изменению его факторов свободы и необходимости. То есть, носителем уникальных свойств, превращающих неконфликтное социальное действие в конфликт, выступает субъект социального действия. Специфическим качеством социального субъекта (индивида, группы, института), непосредственно формирующим конфликт, является его негативное отношение к изменению своего фактора свободы и/или фактора необходимости.

Частные виды социального действия обладают свойствами, которых нет у базовой модели. Непременным условием социального конфликта является наличие у субъекта понимания (или ощущения) нежелательности происшедших изменений фактора свободы и/или необходимости. Кроме того, социальный конфликт возможен только в настоящем времени, поскольку в прошлом изменения факторов свободы и необходимости субъекта уже нет, а в будущем — еще нет. И хотя конфликт, как и мотив, способен детерминировать поведение субъектов, функциональность и свойства этих частных видов социальных действий различны.

Особенностью «мотива» является его недоступность непосредственному наблюдению. В этой связи возникает вопрос, как установить, что причиной того или иного поведения субъекта (индивида, группы, социального института) является именно «мотив», а не «социальный конфликт»? Автор считает, что это можно сделать анализируя межсубъектное столкновение. Если окажется, что у его участников не было «социальных конфликтов», мы будем считать, что причиной столкновения является «социальный мотив».

Рассмотрим следующую ситуацию: одному профсоюзу удалось добиться улучшения условий труда — повышения оплаты,

или сокращения рабочей недели. Профсоюзы смежных специальностей выдвинули перед работодателями аналогичные требования. Поскольку работодатель не нарушал трудового соглашения с профсоюзами, изменения факторов свободы и необходимости у субъекта (профсоюзов) не произошло. А без изменения факторов свободы или необходимости не может быть и самого социального конфликта. Возможно, профсоюзы и хотели бы изменения своих факторов свободы (улучшения условий труда), но эти изменения не способны сформировать социальный конфликт, поскольку у субъекта нет негативного отношения к ним. Таким образом, «социального конфликта» нет, а межсубъектный конфликт, тем не менее, есть.

Этот пример хорошо иллюстрирует отличие социального мотива от социального конфликта. Конфликт формируется в результате нежелательного изменения факторов свободы или необходимости социального субъекта, а мотив — в результате отсутствия желательных для субъекта изменений этих факторов. Социальный мотив — это нежелательное для субъекта сохранение факторов свободы и/или необходимости.

Как и для социального конфликта, носителем уникальных свойств, превращающих социальное действие в мотив выступает субъект социального действия. Специфическим качеством социального субъекта (индивида, группы, института), непосредственно формирующим мотив, является его негативное отношение к сохранению факторов свободы и/или необходимости.

Особо отметим, что «объективная потребность» субъекта в чем-либо не является необходимым условием возникновения социального мотива. Достаточно негативного отношения субъекта к своим факторам свободы и необходимости.

Сходство определений социального конфликта и социального мотива — это следствие идентичности их структур, которые включают в себя конфликтообразующее противоречие, и негативное отношение субъекта к этому противоречию [3]. Но идентичные структуры не могут обладать разной функциональностью, поскольку свойства любой системы определяются именно составом ее элементов и характером отношений между этими элементами. В практическом плане это означает, что по своей функциональности социальный мотив ни в чем не уступает социальному конфликту. Он может выступать

причиной объективизированного конфликта; формы завершения социального конфликта (победа, поражение, компромисс) можно применить и к социальному мотиву¹. В то же время, «социальный мотив» обладает рядом специфических свойств, которых нет у социального конфликта. Выше мы упоминали, что социальный конфликт возможен только в настоящем времени. Социальный мотив не связан подобными ограничениями. Мотивация социального субъекта может быть направлена против сохранения как ныне существующих факторов свободы и необходимости, так и тех, что могут появиться у субъекта в будущем. Если ожидаемые в будущем факторы свободы или необходимости субъект сочтет для себя нежелательными, у него возникнет мотив, направленный либо на изменение в будущем этих факторов, либо на предотвращение такого будущего.

В заключение рассмотрим механизм «социализации» биологических и психических потребностей индивида². Непосредственное воздействие биологических (жажда) и психических (страх) факторов является для индивида нежелательным изменением его факторов свободы и необходимости. То есть, социальным конфликтом, тождественным по своей структуре и функциональности социальному мотиву. Перспектива возникновения неудовлетворенных биологических и психических потребностей в будущем формирует у индивида социальный мотив, направленный на предотвращение такой ситуации в ожидаемом будущем. Таким образом, именно социальный конфликт

¹ ПОБЕДОЙ в социальном конфликте называется увеличение фактора свободы субъекта без увеличения фактора необходимости и/или уменьшение фактора необходимости субъекта без уменьшения фактора свободы. ПОРАЖЕНИЕМ в социальном конфликте называется уменьшение фактора свободы субъекта без уменьшения фактора необходимости и/или увеличение фактора необходимости субъекта без увеличения фактора свободы. КОМПРОМИСС — это устранение негативного отношения субъекта к изменению факторов свободы и необходимости за счет расширения предметной области конфликта. Конфликтообразующее противоречие при компромиссе сохраняется, создавая предпосылки возобновления (рецидива) конфликта [3].

² Социальная мотивация присуща субъектам любого масштаба (индивидам, группам, институтам). «Биологическая» и «психическая» мотивация может быть только у индивида, обладающего физическим телом (источником биологических потребностей) и индивидуальной психикой (источником эмоций).

и социальный мотив являются механизмами «социализации» биологических и психических потребностей индивида.

Социальный мотив и социальный конфликт являются особыми состояниями субъекта (индивида, группы, социального института), вызванными его негативным отношением к изменению либо сохранению своих представлений о том, что можно, и чего нельзя. Это состояние действует на субъекта как побуждающая сила, но не указывает ни источника соответствующих представлений субъекта, ни причин его негативного отношения к собственным факторам свободы и необходимости. Также, ни социальный конфликт, ни социальный мотив не позволяют определить направленности действий (или бездействия) мотивированного субъекта. Социальный мотив — это только один, хотя и очень важный, элемент механизма мотивации социальных субъектов.

Список литературы:

1. Наумова Е.В. Мотивация и социальное действие // Теория и практика общественного развития. — Краснодар, Издательский дом «Хорс». — 2014. — № 21. — С. 41—44.
2. Наумова Е.В. Структура и свойства социального действия. Современные исследования социальных проблем: Сборник статей Общероссийской научно-практической конференции. Вып. 2 «Общественно-социальные и политические исследования» / Под общ. ред. сов. РАЕ Я.А. Максимова — Красноярск: Научно-инновационный центр, 2009. — С. 126—130.
3. Наумова Е.В. Социальный конфликт как элемент технологии социального управления // Вестник НГУЭУ. — 2012. — № 4. — С. 197—206.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ Э. ЛЕВИНАСА

Тимо Оксана Степановна
аспирант философского факультета
Львовского национального университета имени Ивана Франко,
Украина, г. Львов
E-mail: OksanaTymo@i.ua

THEORY OF SOCIAL JUSTICE IN E. LEVINAS'S PHILOSOPHY

Oksana Tymo
postgraduate student of the Department of Philosophy,
Ivan Franko National University of Lviv,
Ukraine, Lviv

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены основы европейской государственности и права. Проанализированы причины, которые привели к краху западного общественного идеала и предпосылки зарождения новых теорий социальных отношений. Исследованы различные способы понимания концепта Другого. Изучено содержание понятия Другого в философии Э. Левинаса, описаны основные термины, которыми характеризует Э. Левинас отношение к ближнему. Показан путь, ведущий к установлению общественных отношений. Выделены особенности, которые отличают социальную теорию Э. Левинаса.

ABSTRACT

This article dwells upon the basics of European statehood and law. It gives detailed analysis of causes that led to the decay of Western social ideal and the preconditions for the conception of new theories of social relations. This article also researches different approaches towards the understanding of the Other, its scope in E. Levinas's philosophy and the main terms that E. Levinas uses to characterize the attitude towards one's neighbour. It shows the way that leads to the establishment of social relations. The peculiarities that differentiate E. Levinas's social theory are outlined.

Ключевые слова: инаковость; Другой; асимметричность; по ту сторону сущности (au-déla de l'essence); ответственность; третий (le tiers); справедливость.

Keywords: otherness; the Other; asymmetry; beyond essence (au-déla de l'essence); responsibility; the Third (le tiers); justice.

Эммануэль Левинас — одна из ключевых фигур французской философии XX в. Основная интенция автора — новая трактовка концепта Другого, которая вырастает как оппозиция к унаследованной Западом философии. Так возникает новаторская этическая доктрина, а на ее основе — социальная теория. Последняя является попыткой ответить на вопрос о том, каким образом в европейской цивилизации, управляемой идеалом рациональности, прав и свобод человека стали возможными кровавые войны, геноцид и истребление целых народов.

Касательно критических работ, где предпринята попытка анализа философии Э. Левинаса, следует прежде всего вспомнить работу Ж. Деррида «Насилие и метафизика», а также его речь, произнесенную на похоронах Э. Левинаса — «Прощание с Э. Левинасом». Ж. Деррида анализирует мысль Э. Левинаса в отношении к истории европейской философии, в частности, рассматривает судьбу феноменологического метода в его творчестве. Важное значение здесь имеет также статья С. Штрассера «Антифеноменология и феноменология в Э. Левинаса». Данной теме посвящены работы таких зарубежных исследователей как Р. Бернет, Ф. Дастюр, Р. Легро, А. Мюнстер, Н. Депраз, Ж. Драбински, Я. Мураками, В. Дикман, А. Понзио. Сравнительный анализ ответственности у Э. Левинаса и Ж.-П. Сартра совершил С. Хабиб. Проблема ответственности человека перед Богом в этической концепции Э. Левинаса нашла отражение в трудах В. Бибихина, Р. Дж. Векслер-Возкинеда, К. Вечорека, К. Войтылы, Дж.-А. Клозовского, А. Липщжика, М. Мейера, Ж. Рюс. Связь философских взглядов Э. Левинаса с его

жизненным путем глубоко исследовала А. Ямпольская, в частности в работе «Эммануэль Левинас. Философия и биография».

Предметом анализа названных исследователей являются в основном этические проблемы в философии Э. Левинаса. В критической литературе не уделяется надлежащего внимания социальной теории Э. Левинаса. Ее изучение имеет важное значение во избежание ошибочной трактовки философии Э. Левинаса как теории, находящейся далеко от действительности, от реальной жизни индивидов в обществе. Поэтому мы ставим цель рассмотреть социальную теорию Э. Левинаса в контексте его философии Другого.

Задачами данной статьи является рассмотрение характерного для Запада понимания общества, анализ трактовки Э. Левинасом причин, поставивших под сомнение европейский общественный идеал, анализ концепта Другого и теории социальности, которая возникает на этой основе.

Эммануэль Левинас утверждает, что согласно устоявшейся западной традиции, человеческий индивид живет в воле жить, то есть в свободе, которая утверждается в эгоизме Я. Это война всех против всех [5, с. 209].

Однако, следуя той же западной традиции, стоит отметить, что индивиды поднимаются над своим усилием быть в мире, который устанавливается рационально. Различные я (moi's) согласуются в рациональной истине, которой они подчиняются без сопротивления. Отныне, осуществляется свободное объединение частичных существ вокруг Закона. Индивид открывается человеческому миру начиная с государства, институтов, политики. С тех пор, сознание, знание, истина и мудрость предстают как сама духовность человеческого индивида, источник прав человека [5, с. 210].

Отсылка прав человека к государству и к логике универсального и частичного, права человека являются неизбежным порядком в гуманизации индивида, его справедливости и его мира. Однако, здесь ли содержится начальный момент этой гуманизации человека?

В конце двадцатого века — века двух мировых войн, угнетения, катастроф, терроризма, безжалостных доктрин фашизма и национал-социализма, побеждает ли все еще ум волю? У Европы — больное сознание, она отрицает себя, ставя под сомнение свою центральность и преимущество своей логики [5, с. 211].

Поэтому в европейском сознании зарождается взволнованность касательно законности страданий, нанесенных другому человеку, есть тоска ответственности, выпадающей на долю индивидов, выживших не причинив насильственной смерти своим жертвам. Они испытывают

угрызения совести из-за того, что пережили опасности, угрожавшие другим. Страх каждого за себя в своей смертности не способен поглотить скандал равнодушия перед страданием другого [5, с. 212].

После зарождения сомнения в совершенстве собственного общественного идеала, который предстает как рациональное примирения изначально эгоистических существ, в европейском сознании зарождается также сомнение в самих предпосылках этого общественного идеала. Начинают сомневаться в том, действительно ли воля индивида к жизни, его утверждение в бытии являются исходными. Мое бытие-в-мире или мое «место под солнцем», мой дом — не были ли они узурпацией мест, принадлежащих другим. Я начинает осознаваться как сам кризис бытия и бытийности человека. Кризис бытия потому, что я сам уже спрашиваю, оправдано ли мое бытие, не есть ли оно уже посягательством на место другого. Этот страх происходит от лица другого. Больное сознание ставит меня под сомнение. Следовательно, человеческое предстает как возвращение к способности бояться оккупировать место другого и таким образом выгнать его и обречь на жалкое существование где-то в «третьем» или «четвертом» мире, убить его. *Conatus essendi*, что является естественным для суверенного Я, ставится под сомнение перед лицом другого, в этической бдительности, где моя суверенность признает себя отвратительной, а свое место под солнцем — образом и началом узурпации всей земли. Доброта выхватывает Я с непреодолимого возвращения к себе [4, с. 172].

Эта постановка под сомнение правомерности своей борьбы за жизнь ведет и к переосмыслению идеала социальности, выросшего на этой основе, то есть идеала, по которому, каждый, отстаивая свое право жить, представал как единица общего человеческого рода, где между всеми, путем их сравнения и объективации как конкретных случаев единого рода, устанавливалось равенство и взаимность. Следует поставить под сомнение это требование равенства и взаимности. Следует спросить себя не есть ли ограничение прав посредством правосудия уже способом рассматривать человека как объект, подвергая его сравнению, мысли.

Нужно спросить себя означает ли в человеческой множественности, инаковость другого человека лишь логическую инаковость частей в целом (*dans un Tout*), где отношения взаимности требуются единством этого Целого. Нужно задать вопрос: отсылает ли начальная семантическая ситуация, где индивид получает смысл, к логической схеме индивид-род, где один является индивидом для другого, инаковость остается взаимной и где понятие человеческого индивида

фиксируется через объективацию любого индивида рода, каждый является другим для другого?

Нужно спросить себя не имеет ли инаковость другого для меня сразу абсолютного характера, так как будто другой сопротивляется любому синтезу. Отношения с другим как таковым, а не сводимым к тому же самому [6, с. 205].

Итак, Э. Левинас показывает несостоятельность того общественного идеала, который базируется на ограничении прав человека. Причина его несостоятельности, по Э. Левинасу, в том, что установление социального порядка путем взаимного ограничения свобод, включает в себя латентную заботу, прежде всего о собственных правах и свободах. Требование взаимности разрушает абсолютную инаковость другого, сводит его лишь к частке в целом, которую ограничивают в ее свободах ради всеобщего мира. Здесь невозможен доступ к другому как к абсолютно другому. Что означает такое отношение к абсолютно другому?

Прежде всего, оно означает асимметричность. Основополагающая интуиция нравственности заключается в том, чтобы почувствовать: я неровня другим. При этом неровня в следующем строгом смысле: я бесконечно более требователен к себе, чем к другим. В ответственности за другого человека моя единственность: я ни на кого не могу переложить ответственность так же как и никого не могу поставить на мое место [1, с. 339—343].

Ответственность за другого не может начаться в моем решении. Неограниченная ответственность, где я нахожусь, приходит с по ту сторону моей свободы, с не-настоящему, с по ту сторону сущности (au-déla de l'essence). Настоящее является началом в моей свободе, тогда как Благо не даруется в свободе, оно выбирает меня до того как я выберу его. Ничто не является добрым добровольно. Парадокс этой ответственности заключается в том, что я обязан таким образом, что это обязательство не начиналось во мне. Это то, что невозможно для сознания и четко показывает, что мы уже не в элементе сознания. В сознании это «я не знаю где» выражается через анахроничное потрясения, через антериорность ответственности и подчинения по отношению к полученному приказу. Как будто первое движение ответственности может быть только покорением этому приказу до того, как он будет сформулированным. Субъективность происходит как пассивность более пассивная, чем пассивность. Диахроническому прошлому, соответствует пассивность Я, которая не берется на себя. Близость одного к другому мыслится здесь по ту сторону онтологических категорий. Доброта иная, чем бытие.

Исключительный, экстраординарный, трансцендентный характер доброты состоит в этом разрыве с бытием и его историей. Сводить благо к бытию — к его подсчетам и его истории — значит отменять доброту. Доброта по ту сторону бытия или иначе, чем быть (*l'autrement qu'être*). Она означает глубокое прежде (*jadis*), более древнее чем любая свобода. Узел, завязанный в субъективности означает преданность Другому, преданность, которая будет описываться как ответственность за Другого, как ответ на близость еще до любого вопроса. Узел, субъективность которого заключается в том, чтобы идти к другому не беспокоясь о его движении ко мне, или, точнее говоря, приближаться таким образом, что вне всяких взаимных отношений. Я всегда делаю на один шаг больше к нему (а это возможно только если этот шаг является ответственностью). Близкий, первый пришедший (*premier venu*) касается меня в первый раз (кто бы он ни был — старый знакомый, давний друг, давняя любовь). Он приказывает мне до того как будет узанным. Отношение родства вне любой биологии, вопреки всякой логике. Ближний является братом. Братство предшествует объединению в общность рода [3, с. 247].

Не следует ли видеть в братстве, в этой начальной доброте, стабильность лучше, чем гарантии государства? Свобода в братстве, где утверждается ответственность друг за друга, за которой права человека возникают как права другого человека, за которые я должен отвечать [9, с. 169].

Итак, отношение к другому у Э. Левинаса принципиально асимметрично. Однако описанное отношение, которое предполагает безграничную щедрость индивида по отношению к своему близкому, устанавливается между двумя. Но человеческая множественность не позволяет Я, (*Moi*) или, скажем, не позволяет мне (*ne me permet pas*) забывать третьего (*le tiers*), который вырывает меня из близости к другому, от ответственности, предшествующей любому суждению, ответственности за ближнего — в его непосредственности единого и несравненного. Третий — иной, чем ближний, также является моим ближним [5, с. 215]. Любовь к ближнему и его первоначальное право неповторимого и несравненного, за которое я должен отвечать, доходят до того, что сами обращаются к разуму, способному сравнивать несравнимое. Какая-то мера накладывается на экстравагантную щедрость «для другого» (*pour l'autre*). Непосредственность моего отношения к ближнему модифицируется необходимостью сравнивать людей между собой и судить их. Это место рождения объективности

и справедливости [2, с. 62]. И отсюда, наконец, необходимость в политических структурах общества [10, с. 146].

Это час справедливости. Здесь право неповторимого, первичное право человека постулирует суждения, а следовательно — и объективность, и объективизацию и тематизацию и синтез. Нужны учреждения и политический авторитет, что их поддерживает. Справедливость требует и основывает государство. Безусловно, в этом есть необходимая редукция единственности индивида к частности индивида человеческого рода, к условиям гражданина. Но и сама справедливость не способна забыть источник права и единственность другого, которые покрываются отныне частичностью и всеобщностью человеческого. Она ждет голоса, напоминающего суждением судей и государственным служащим, человеческое лицо, скрытое под идентичностью граждан. Возможно это и есть голоса пророков. Эти голоса, вероятно, означают возможность непредвиденной доброты, на которую способно Я в единственности, предшествующе роду. Они иногда слышатся в воплях, которые поднимают зеваки-политики и которые независимо от официальных учреждений защищают права человека [5, с. 216].

Какая разница в рождении государства по определению человека как волка для человека и определению человека как заложника человека? Какая разница между институтами, рожденными по ограничению насилия и по ограничению ответственности? Отличие в том, что во втором случае можно восстать против институтов во имя того, что дало им рождение [7, с. 216]. Нужно, чтобы институты справедливости контролировались милосердием, завершением которого и есть справедливость [11, с. 177].

Итак, мы рассмотрели социальную теорию в философии Э. Левинаса. Она базируется на начальном отношении к Другому как радикально другому. Это отношение — принципиально асимметричное, без требования взаимности. Однако, в обществе никогда не находятся вдвоем. Следовательно, появление третьего означает, что ответственность должна быть ограничена. Здесь требуется сравнение других, установление справедливости. Однако, государство, общество, возникающие на этой основе, принципиально отличается от того общественного идеала, которым жила Европа. Отличие теории Э. Левинаса в том, что первичное отношение радикальной доброты к близкому, где право является прежде всего правом другого, сохраняет в обществе свое значение, оно предстает как определенный контроль за деятельностью государства, исключая забвения привилегий другого по сравнению со мной, а затем, невозможность насилия.

Список литературы:

1. Левинас Э. Трудная свобода // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода / Эмманюэль Левинас; пер. с франц. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — С. 319—590.
2. Lévinas E. A propos de Buber: quelques notes // Lévinas E. Hors sujet. — Fata Morgana, 1987. — P. 57—65.
3. Lévinas E. Autrement qu'etre ou déla de l'essanse. — Livre de Poche, 2004. — 287 p.
4. Lévinas E. De l'Un à l'Autre. Transcendance et Temps // Lévinas E. Entre nous. Essais sur le penser-à-l'autre. — Grasset, 1991. — P. 153—175
5. Lévinas E. De l'Unicité // Lévinas E. Entre nous. Essais sur le penser-à-l'autre. — Grasset, 1991. — P. 209—217.
6. Lévinas E. Détermination philosophique de l'Idée de culture // Lévinas E. Entre nous. Essais sur le penser-à-l'autre. — Grasset, 1991. — P. 199—208.
7. Lévinas E. Dieu et l'onto-théo-logie // Lévinas E. Dieu, la mort et le temps. — Grasset, 1995. — P. 137—259.
8. Lévinas E. La souffrance inutile // Lévinas E. Entre nous. Essais sur le penser-à-l'autre. — Grasset, 1991. — P. 107—120.
9. Lévinas E. Les droits de l'homme et les droits d'autrui // Lévinas E. Hors sujet. — Fata Morgana, 1987. — P. 157—170.
10. Lévinas E. Paix et proximité // Lévinas E. Altérité et transcendance. — Fata Morgana, 1995. — P. 136—148.
11. Lévinas E. Violence du visage // Lévinas E. Altérité et transcendance. — Fata Morgana, 1995. — P. 171—183.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ДИСКУРС О МАКИАВЕЛЛИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ 1920—30-Х ГГ.

Кароннов Сергей Анатольевич

*старший преподаватель
Вологодского государственного университета,
РФ, г. Вологда
E-mail: karonnov@mail.ru*

MACHIAVELLI'S DISCOURSE IN THE ITALIAN POLITICAL PHILOSOPHY IN 1920—30

Sergey Karonnov

*senior lecturer of Vologda State University,
Russia, Vologda*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматриваются точки зрения на политическую философию Н. Макиавелли, высказанные представителями итальянской политической мысли В. Парето, Г. Моска, Б. Кроче, А. Грамши в 20—30-х гг. XX в. Целью статьи является выяснение смысла данных теоретических интерпретаций. В результате подходы названных авторов обозначаются как, соответственно, реалистический, критический, моралистический и идеологический.

ABSTRACT

The article deals with the point of view on the political philosophy of N. Machiavelli expressed by the representatives of the Italian political thought V. Pareto, G. Mosca, B. Croce, A. Gramsci in 20—30s of the XX century. The aim of the article is to clarify the meaning of these theoretical interpretations. As a result of the approaches of these authors referred to as, respectively, a realistic, critical, moralistic and ideological.

Ключевые слова: политическая философия; политическая наука; политика; этика; мораль; реализм.

Keywords: political philosophy; political science; policy; ethics; morality; realism.

Интерес к флорентийскому политическому философу эпохи Возрождения Никколо Макиавелли, его воззрениям и роли в истории политической мысли, появившийся ещё в XVI веке, к первой четверти которого относится творчество этого автора, не ослабевает по настоящее время. Несколько точек зрения на Макиавелли было высказано в 20—30-е годы прошлого века на его родине — в Италии — такими известными теоретиками как В. Парето, Г. Моска, Б. Кроче, А. Грамши.

Социально-политический мыслитель Вильфредо Парето касался темы Макиавелли, в частности, в «Компендиуме по общей социологии» (1920), где подчеркнул величие флорентийского философа и утверждал, что тот не имел себе равных в теоретической политике своей эпохи. По мнению Парето, Макиавелли, «как человек практического склада ума» [9, с. 287], рассуждал «на базе эмпирической политики», вследствие чего «очень близко» подошел к реальности [9, с. 439]. Парето выделяет у Макиавелли два различных вида исследования — «изучение *реальных движений*, т. е. фактов и отношений между ними» и «изучение *виртуальных движений*, т. е. мер, необходимых для достижения определенной цели» [9, с. 287], а также способ рассуждения на примере конкретной ситуации как частного случая общей проблемы, позволяющий «подняться до общего случая виртуальных движений, который теперь <...> является предметом социологии» [9, с. 288].

Объективный теоретик, заявляет Парето в этической плоскости, вынужден признать, что успешные правители не являются совестливыми моралистами, но затем предпочитает замалчивать или оправдывать этот факт, возлагая вину на «испорченные» нравы, чем «навлекает на себя упреки в безнравственности со стороны общественности» [9, с. 287]. Так, по Парето, и произошло с Макиавелли, «который, как орел, вознесся над множеством историков этического склада» [9, с. 419] и «представил единообразия, полностью подтверждаемые историей» [9, с. 287]. В этой связи удивление Парето вызывает не только высоты, достигнутые флорентийцем, но и невежество некоторых современных авторов, не понявших значение исследованных Макиавелли проблем и в возражениях ему предлагающих «сентиментальную этическую болтовню» [9, с. 288]. Не случайно, как отмечает Е.В. Осипова, «постоянным объектом критики Парето было морализирование» [8, с. 51].

Проблема соотношения политики и морали стала центральной во взглядах на Макиавелли у философа Бенедетто Кроче. В статье «Макиавелли и Вико» (1924) он замечает, что, хотя различия между этикой и политикой как двумя разными дисциплинами чувствовали уже античные мыслители, именно Макиавелли открыл автономию политики и выдвинул научно обоснованную философию политики.

Кроче считает важным отметить «щемящую горечь суждений Макиавелли о внутренней неизбежности политических закономерностей» [5, с. 128]. По Кроче, Макиавелли страстно уповал на общество добропорядочных людей далекого прошлого, но, реально учитывая ухудшившуюся человеческую природу своего времени, предлагал жесткие рецепты управления, однако испытывал при этом душевную боль и пессимизм. В этой связи Кроче указывает на моральное сознание Макиавелли и отвергает обвинения его в имморализме, присущем скорее другому ренессансному политическому автору — Ф. Гвиччардини. Всё это позволило историку идей И. Берлину констатировать, что, с точки зрения Кроче, Макиавелли — «страждущий гуманист, который <...> оплакивает людские пороки, делающие столь жестокие методы политически неизбежными», и моралист, отделивший таким образом политику от этики [2, с. 299].

По мнению Кроче, философия Макиавелли отличается и от «макиавеллистов», пекущихся об интересах государства, и от идеалистов, отождествляющих политику и мораль, и от эклектиков, а его наследников «следует искать среди тех, кто пытался систематизировать понятия *осмотрительности*, *предупредительности*, то есть *политической добродетели*, которая не смешивается с моралью и вместе с тем не становится чистым отрицанием последней» [5, с. 129]. Одним из таких преемников великого флорентийца Кроче называет итальянского философа XVIII в. Дж. Вико, которому путем интеграции понятий политики и истории удалось смягчить макиавеллиевский пессимизм.

Критической направленностью отличался подход к Макиавелли политического теоретика Гаэтано Моски. В книге «История политических доктрин» (1933) он заявляет, что флорентийский мыслитель не является основателем политической науки. По Моске, Макиавелли полагал, что постоянные политические тенденции в обществах можно выявить через изучение их истории, и интуитивно пытался построить основы политической науки, однако «ему это не удалось сделать из-за нехватки необходимого исторического материала» [7, с. 113], поскольку критический анализ и научное обоснование истории тогда ещё не родились.

Москва характеризует Макиавелли как теоретика-идеалиста, который, в частности, идеализировал античность, особенно Древний Рим, и был убежден в абсолютном превосходстве античных греков и римлян над современными ему людьми. Москва считает ошибкой проведение параллели между античным Римом и Флоренцией эпохи Возрождения, а также демонстрацию превосходства первого над второй, поскольку при этом игнорируется разница среды и конкретно-исторических обстоятельств. По мнению Москвы, Макиавелли «определенно ошибался, когда полагал, что достаточно уподобиться «антикам» для обеспечения тех же результатов, которые они достигли» [7, с. 114].

В критическом анализе макиавеллиево трактата «Государь» Москва обращает внимание на недостаточный учет автором сложности человеческой природы, в связи с чем его суждения о людях оказываются неполны, а также на зачастую общий характер и трудность практического применения предлагаемых советов и предписаний. Отсюда следует скептическая оценка главного труда Макиавелли: «Государь» <...> не может внести эффективный вклад в интеллектуальное и моральное формирование человека, занимающегося политикой» [7, с. 117]. В то же время в числе причин веками неослабевающего интереса к «Государю» Москва называет не только бесстрашность, но и смелость показа проступков выдающихся и рядовых участников политической жизни, а также профессиональную честность и искренность Макиавелли как политического писателя.

Несмотря на условия тюремного заключения, философ и теоретик марксизма Антонио Грамши провел исследование Макиавелли в своей работе «Современный государь» (вошла в состав «Тюремных тетрадей», написанных в первой половине 30-х гг.). Он высоко оценивает роль Макиавелли, полагая, что истолкование последним политики как самостоятельной области деятельности с собственными принципами и законами, отличной от морали и религии, имеет огромное философское значение, поскольку обновляет концепцию морали и религии, то есть мировоззрение в целом. По Грамши, «величие Макиавелли как раз и заключается в том, что он отделил политику от этики» [4, с. 472], а сам Макиавелли, возможно, относится к «гениям», соответствующим «не тому времени, в которое они действительно живут, а времени, в которое они живут «идеально», или в культурном отношении» [4, с. 384].

С другой стороны, полемизируя с современным ему «макиавелливедемием», идущим от Кроче, Грамши называет заблуждением преувеличенную трактовку Макиавелли как политического ученого,

сохраняющего значение для всех эпох. По мнению Грамши, Макиавелли необходимо рассматривать как выражение его эпохи и конкретных политических условий Флоренции, Италии и Европы позднего Возрождения, он — «с головы до ног человек своей эпохи, и его политическая наука олицетворяет в себе философию эпохи, которую отличала тенденция к образованию национальных абсолютистских монархий» [3, с. 126]. При этом позиция Макиавелли обращена против пережитков феодального мира и имеет прогрессивную направленность.

Говоря о целях Макиавелли в его политических сочинениях, Грамши считает ошибочной моралистическую интерпретацию. Он признает, что флорентиец занимался не только теоретизированием, но и разоблачением, однако последнее преследовало не нравственную, а политическую цель. Грамши обращает внимание на стиль Макиавелли, представляющий собой не беспристрастный стиль научного трактата, а, напротив, стиль деятельного человека и «политического манифеста». В этой связи Грамши предполагает, что Макиавелли писал не для искушенных правящих кругов, автоматически приобретающих прагматические качества благодаря воспитанию в своей среде, а «преследовал задачу политической подготовки «неосведомленного» [3, с. 120], каковым являлся «революционный класс» — итальянский народ, городская демократия, которых флорентиец стремился убедить в необходимости иметь и поддерживать своего «вождя». В итоге макиавеллизм работал на совершенствование не только традиционной политической техники правящих групп, но и политической деятельности общественных сил, народных масс, в чем и выразился «его по существу революционный характер» [3, с. 121].

Если до Макиавелли политическая наука выступала в утопической и схоластической формах, то трактат «Государь», по оценке Грамши, написан в форме драматического «мифа», соединяющего политическую науку и политическую идеологию, воздействующего «на разобщенный и распыленный народ, чтобы пробудить в нем и организовать коллективную волю» [3, с. 112] для создания нового национального государства. Элемент утопии проявляется здесь в том, что отсутствующего реального государя заменяет его образ, «антропоморфно» представляющий символ «коллективной воли». Связывая историю со своим временем, Грамши проводит мысль, что в роли современного государя должна быть уже не героическая личность, а политическая партия, выражающая волю народа и стремящаяся к основанию государства нового типа.

С точки зрения Грамши, для Макиавелли характерен политический реализм, но не поверхностной его разновидности, присущей дипломатам и ученым от политики, которых интересует лишь реальная действительность — то, что «есть». В отличие от них Макиавелли — не просто ученый, а активный политик, интересующийся тем, что «должно быть», понимаемым не в моралистическом, а в реалистическом смысле. Он так же исходит из реальной действительности, но нацелен на создание новой конфигурации существующих сил, опираясь при этом на прогрессивную силу и создавая условия для ее победы, что означает уже господство над реальной действительностью. В таком понимании, по мнению Грамши, «должно быть» является конкретностью и, более того, единственным реалистическим и историчным истолкованием действительности, единственно действенной философией и верной политикой. Грамши отмечает, что хотя деятельность Макиавелли ограничивалась статусом «частного лица», он не остался «безоружным пророком», а стремился «конкретно показать, как должны были бы действовать исторические силы, чтобы стать эффективными» [3, с. 161].

Все рассмотренные исследователи с 1922 года столкнулись с условиями фашистского режима в Италии, наложившими отпечаток на их жизнь и творчество: Грамши оказался в тюрьме, Кроче — в эмиграции; Моска критически сосуществовал с новой властью; Парето, ушедший из жизни в 1923 г., мало соприкоснулся с режимом, однако ставится с ним в идейную связь. При этом все они занимали разные идеологические позиции: Грамши возглавлял итальянских коммунистов, Кроче был идеологом либералов, Моска, в целом придерживавшийся установок либерализма, склонялся к консервативному его флангу, а Парето стал антилибералом.

Сравнивая этих авторов в теоретическом отношении, следует отметить, что каждый из них предложил свою оригинальную точку зрения на Макиавелли. «Самый влиятельный из современных его интерпретаторов», по оценке И. Берлина в середине XX в. [2, с. 330], — Б. Кроче — выдвинул моралистическую интерпретацию, согласно которой Макиавелли отделил политику от морали, но не отрицал последней, в связи с чем обвинения флорентийца в имморализме, существующие несколько столетий, должны быть сняты.

Парето и Моску относят к макиавеллистской традиции в политической науке и к позитивистской методологии. Так, Р. Арон отмечает, что Парето «стоит в том же ряду политических мыслителей, в котором первым и самым великим был Макиавелли», а также ставит в данный ряд и Моску [1, с. 584]. Тем не менее в своих оценках

флорентийского теоретика они разошлись. В. Парето настаивал на принадлежности Макиавелли к идущему от Аристотеля реалистическому подходу, считая обоих этих философов предтечами политической и социальной науки.

Г. Моска же видел Макиавелли идеалистом, который не строго фактологически описывает реальность, а выражает «то, что полагает правдой» [7, с. 119], в связи с чем подверг взгляды своего предшественника развернутой критике с методологических и психологических позиций, невысоко отзывался о практической полезности трактата «Государь» и отказывал его автору в статусе основателя политической науки.

Наконец, А. Грамши в своей, по оценке К. Лефорта, «впечатляющей интерпретации» [6, с. 172], подчеркнув политический реализм Макиавелли, поместил его в ярко выраженный идеологический контекст своих собственных революционных представлений с известным набором понятий марксизма: народные массы, классовая гегемония, партия, революция, государство нового типа. В результате трактат «Государь» стал «партийным манифестом» [3, с. 119], а его автор — идеологом «национальной революции» [3, с. 117].

Таким образом, в итальянской политической философии 1920—30-х годов проявились следующие альтернативные трактовки взглядов Н. Макиавелли: моралистическая (Б. Кроче), реалистическая (В. Парето), критическая (Г. Моска) и идеологическая (А. Грамши) интерпретации. Их разнообразие, усиливается рядом трактовок других авторов и эпох, подтверждает востребованность Никколо Макиавелли, сложность его воззрений и поставленных им вопросов, а также пророчество Бенедетто Кроче: «Единственная проблема, которая, может быть, никогда не разрешится, — это проблема Макиавелли» [Цит. по: 2, с. 368].

Список литературы:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. — 608 с.
2. Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. — М.: Канон+, 2002. — 800 с.
3. Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 3: Тюремные тетради. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959. — 566 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1991. — 560 с.
5. Кроче Б. Антология сочинений по философии. — СПб.: Пневма, 1999. — 480 с.

6. Лефорт К. Формы истории: Очерки политической антропологии. — СПб.: Наука, 2007. — 342 с.
7. Моска Г. История политических доктрин. — М.: Мысль, 2012. — 326 с.
8. Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. — СПб.: Алетейя, 2004. — 160 с.
9. Парето В. Компендиум по общей социологии. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. — 512 с.

3.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПЕДПРОЦЕССЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Шаповал Галина Николаевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: sgalinka@rambler.ru*

EDUCATIONAL POTENTIAL OF HUMANITARIAN DISCIPLINES IN TEACHING PROCESS OF MEDICAL HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS

Galina Shapoval

*candidate of Science, associate professor of history and philosophy
department of Rostov-on-Don State Medical University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Воспитательный потенциал гуманитарных дисциплин в педпроцессе медицинского вуза направлен на приобретение компетенций (общекультурных и профессиональных) с целью формирования врачебного менталитета, развития чувства патриотизма и становления гражданско-правовой активности студентов-медиков. Волонтерская деятельность в этом контексте рассматривается автором как связующее звено между передачей социального опыта и его воспроизведением. Цель работы — показать значимость гуманитарных дисциплин в педпроцессе медицинского вуза.

ABSTRACT

Educational potential of humanitarian disciplines in the teaching process of medical higher educational establishments is oriented to gaining competences (general-cultural and professional) in order to form medical mentality, develop patriotism and form civil activity of medical students.

In this context volunteering is regarded as a connecting link between transferring social experience and its reproducing. The aim of the article is to show importance of humanitarian disciplines in the teaching process of medical higher educational establishments.

Ключевые слова: гуманизация; гуманитаризация; компетенции; врачебный менталитет; патриотизм; социализация; волонтерство.

Keywords: humanization; humanitarization; competences; medical mentality; patriotism; socialization; volunteering.

XXI век остро ставит перед обществом проблему модернизации высшего профессионального образования с целью интеграции России в мировое образовательное пространство. Президент РФ В.В. Путин в очередном ежегодном Послании Федеральному Собранию подчеркнул, что сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, поддержки и взаимопомощи — того, что всегда делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Поэтому определяющее значение в настоящее время приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики.

Исходя из положения о том, что одной из основополагающих идей при создании и дальнейшем функционировании нового государства является идея гражданского воспитания молодежи, закономерным является тот факт, что содержание высшего профессионального образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми вне зависимости от их расовой, этнической, культурной и религиозной принадлежности.

Отсюда вытекают задачи системы высшего профессионального образования — это не только формирование широкого кругозора у студентов, но и воспитание духовной личности, от интеллектуального, политического, культурного уровня которой во многом будет зависеть будущее общества. Приоритетной целью системы образования является обеспечение качества образования, которое будет соответствовать не только российским, но и международным образовательным стандартам.

Этому в немалой степени способствовало внедрение Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) — изменились требования к результатам освоения основных образовательных программ, увеличилась доля самостоятельной работы студентов, изменилась роль преподавателя — от позиции транслятора знаний к позиции тьютора.

Также нельзя не упомянуть об одном из основных направлений развития современной педагогической науки — становлении гуманитарной парадигмы. Гуманизация и гуманитаризация высшего медицинского образования ставит своей целью формирование нравственно и духовно развитого человека — будущего специалиста, вне зависимости от его национальной и культурной принадлежности, готового и способного гармонично сочетать образованность, профессионализм, духовность, нравственную воспитанность. Гуманитарный аспект медицинского образования отражает весь спектр гуманитарных проблем профессиональной деятельности врача — это и проблемы взаимоотношения с пациентами и членами их семей, коллегами, и вопросы медицинского права, аспекты влияния научных открытий на жизнедеятельность человека и т. д.

В медицинских и фармацевтических вузах гуманизации и гуманитаризации педпроцесса следует уделять должное внимание в аудиторное и внеаудиторное время [5; 6; 7; 13]. Для становления гражданско-правовой активности молодежи необходимо вовлечение студентов-медиков в социально-полезную деятельность. Наиболее благоприятной средой для этого является учебное заведение, так как обучение в вузе является важным периодом в жизни молодежи, в котором происходит профессиональное становление и завершается личностное самоопределение, чему в немалой степени способствует изучение дисциплин «Философия» и «Биоэтика».

Целью данной статьи является наглядная демонстрация значимости включения в систему медицинского образования дисциплин, предметом которых является человек и общество — таких, как «Философия», «Культурология», «Биоэтика» и др.

Изначально отметим, что включение молодежи в различные виды общественно значимой деятельности существенно расширяет сферу их социального общения, возможности усвоения социальных ценностей и формирования нравственных качеств личности [10].

Плодородной почвой для формирования патриотизма студентов является их творческая деятельность. Патриотизм является мощным фактором, необходимым условием для защиты национально-политических интересов, для сохранения и укрепления человеческой цивилизации. Вопросы формирования врачебного менталитета, воспитания гражданских чувств и патриотизма у студентов-медиков неоднократно поднимались в работах ученых РостГМУ [1; 2; 3; 8; 9; 12; 14; 15].

Практика показывает, что в процессе патриотического и духовно-нравственного воспитания студентов в рамках изучения дисциплин

«Культурология», «История Отечества» и «История мировых религий» в условиях вуза следует большое внимания уделять выездным мероприятиям и экскурсиям, знакомящим с историей и культурой родного края. По отзывам самих студентов экскурсии по городу не только освежили в памяти многие исторические факты, но и заставили их по-новому взглянуть на свою жизнь в многонациональном городе. Местный колорит, городские легенды, истории знаменитых ростовчан — все это находит живой отклик в сердцах молодежи — как местных жителей, так и студентов, приехавших учиться в вуз из других областей. Можно с уверенностью сказать, что образовательные экскурсии — это важный способ передачи новому поколению накопленного человечеством жизненного опыта и культурного наследия, формирования ценностных ориентаций, нравственного оздоровления и культурного развития нации, один из путей социализации личности.

Как известно, одним из средств развития гражданских качеств у студентов вузов является волонтерское движение. Волонтерские инициативы следует рассматривать как эффективное средство формирования нравственных качеств, как форму самореализации и самоактуализации молодежи. Профессиональное волонтерство, включенное в педпроцесс медицинского вуза (аудиторная и внеаудиторная деятельность, например, в рамках изучения дисциплины «Биоэтика») также будет способствовать формированию мировоззрения студентов и получению опыта работы по избранной специальности. Так в июне 2015 г. актив студпрофкома принял участие в акции и «Молодежь против наркотиков», приуроченной к Международному дню борьбы с употреблением наркотических средств. Основной целью мероприятия стала демонстрация активных форм досуга молодежи и вовлечение активистов в волонтерскую деятельность по продвижению здорового образа жизни. В ходе акции состоялись тематические викторины и конкурсы, а также мастер-классы по единоборствам, гимнастике, акробатике, шахматам, дартсу, пулевой стрельбе, танцам, спортивным играм. В рамках мероприятия были награждены победители и участники городского конкурса социальной рекламы «Мы выбираем жизнь». Организаторами акции среди прочих выступила общественная организация «Молодые медики Дона» и Донской антинаркотический фронт.

В заключении отметим, что знакомство студентов-медиков с историей нашей страны, с русской религиозной философией и приобщение их к морально-нравственному наследию отечественной медицины будет способствовать формированию мировоззрения студентов, их нравственному воспитанию и развитию национального

самосознания, самоидентификации и самодетерминации личности, что, в конечном счете, приведет к трансформации нравственного сознания в нравственное отношение, а затем в конкретные дела на благо Родины.

Список литературы:

1. Агеева Н.А. Биоэтическое измерение понятий «добро» и «зло», «польза» и «вред» в контексте медицинской деятельности // Современная медицина: актуальные вопросы. — 2014. — № 31. — С. 83—88.
2. Агеева Н.А. Дефекты оказания медицинской помощи: проблемы и пути решения // *Universum: Медицина и фармакология*. — 2014. — № 6 (7). — С. 2.
3. Агеева Н.А. На пути из «века биологии» в «век антропологии» // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 12-1 (40). — С. 75—82.
4. Агеева Н.А. Профессиональное волонтерство как эффективное средство социализации студенчества // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 1-2 (41). — С. 76—82.
5. Агеева Н.А. Роль зеркальных нейронов в процессе социализации личности и консолидации общества // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 1-3 (45). — С. 5—11.
6. Агеева Н.А. Социальное воспитание как ведущий фактор всестороннего развития личности детей и молодежи // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 2 (42). — С. 162—170.
7. Агеева Н.А. Учение о доминанте А.А. Ухтомского в контексте гуманизации и гуманитаризации науки и образования // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — № 10-2 (42). — С. 117—122.
8. Иващенко А.П., Шаповал Г.Н. Проблема этнической идентичности в свете гуманизации педпроцесса в медицинском вузе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 41-42. — С. 101—106.
9. Камалова О.Н., Шаповал Г.Н. К вопросу о нравственном воспитании российских и иностранных студентов, обучающихся вместе. // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 2. — С. 378—381.
10. Шаповал Г.Н. Воспитание гражданских качеств в ходе становления гражданско-правовой активности студентов-медиков. // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 40. — С. 53—58.
11. Шаповал Г.Н. Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения иностранных студентов-медиков. // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 33. — С. 108—112.

12. Шаповал Г.Н. Повседневная практика как один из механизмов приспособления иностранных студентов к российской действительности // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки. — 2014. — № 2. — С. 157—158.
13. Шаповал Г.Н. Поддержание высокого уровня мотивации обучения в ходе социализации личности иностранного студента медицинского вуза // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2015. — № 1 (80). — С. 81—84.
14. Шаповал Г.Н. Профессиональная и этническая идентификация студентов-медиков в контексте интернационального обучения // Инновации в науке. — 2015. — № 43. — С. 158—164.
15. Шаповал Г.Н. Соотношение компетентностного подхода и качества образования в процессе инкультурации иностранных студентов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2010. — № 2. — С. 106—117.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ПРОКУРАТУРА В ДУХОВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ДИСКУССИИ 70-Х ГГ. XIX В.

Никитин Алексей Владимирович
аспирант РГПУ им. А.И. Герцена,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: qwerty0009992011@yandex.ru

PROSECUTOR'S OFFICE IN SACRED JUDICIAL SERVICE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: DISCUSSIONS OF 70-S XIX CENTURY

Aleksey Nikitin
post-graduate student of Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russia, St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о создании института прокуратуры в церковном суде, активно дебатировавшийся в 70-е гг. XIX в. Рассматривая делопроизводственные материалы соответствующих экспертных органов а также публицистику указанного периода, автор сопоставляет различные подходы к указанной проблеме. Делается вывод о наличии противоречий между интересами государства, епископата и общественности.

ABSTRACT

In the article the question about the establishment of the institute of prosecutor's office in the ecclesiastical court is examined actively debating in the 70-s XIX century. Considering documents of management and record keeping of relevant expert bodies as well as journalism of a specified period, the author compares different approaches to this problem. The conclusion of presence of contradictions between the interests of the state, the episcopate and the public is made.

Ключевые слова: духовно-судебная реформа; Комитета архиепископа Макария; обер-прокурор; церковный суд.

Keywords: sacred judicial reform; Committee of archbishop Makarios; attorney-general; ecclesiastical court.

Судебная реформа, проведенная правительством Александра II в 1864 г., не затронула ведомственный церковный суд. Впоследствии на протяжении всего пореформенного периода предпринимались попытки преобразования духовного ведомства в соответствии с современными принципами светского судопроизводства. Наиболее значительной можно признать деятельность Комитета по преобразованию духовно-судебной части (далее — Комитет), сформированного в 1870 г. по инициативе обер-прокурора Д.А. Толстого и возглавленного архиепископом Макарием (Булгаковым). Проект, составленный комитетом к 1873 г., вызвал широкий общественный резонанс и породил оживленные дискуссии.

Как известно, епископат почти единодушно высказался против комитетского проекта и таким образом заблокировал реформу церковного суда. Наибольшие претензии вызвали положения, ограничивающие епископскую власть. В этом вопросе обе стороны не могли уступить. В рамках светского подхода принцип отделения суда от администрации представлялся краеугольным камнем всей реформы. Н.К. Соколов писал: «Что бы мы ни придумывали потом для улучшения частных судебное устройство, допустили бы, положим, выборное начало судей, гласность судопроизводства и т. п., — все это будет лишь роскошным, обманывающим глаза украшением на непрочной постройке, если суд останется в руках администрации... Напрасно бы мы стали обманывать себя и других, отводить глаза этими блестящими орнаментами; они хороши, очень полезны на прочно основанном здании, но скоро отстанут и свалятся, механически приставленные к нему, без должной связи с самим основанием. Итак — мы имеем дело с самым капитальным вопросом:

быть, или не быть духовно-судебной реформе» [10, с. 333]. Однако с канонической точки зрения фигура епископа вовсе не могла быть сравнима с обычным должностным лицом. В этом и заключалось, по выражению другого выдающегося канониста, А.Ф. Лаврова, различие между «гражданским бытом», основанном «не на непреложных, а на изменяемых и усовершенствуемых началах», и церковью, где есть неизменные «начала и правила», к которым относится, в частности, «сосредоточение в лице одного епископа и правительственной, и судной власти». Поэтому не все принципы судебной реформы 1864 г. могут быть применимы в деле преобразования духовного суда: «Не может быть в одной и той же епархии, в одном и том же городе двух епископов — правящего и судящего, друг от друга совершенно независимых, как ныне в губерниях губернатор и председатель окружного суда» [5, с. 6].

В тесной связи с вопросом об архиерейской власти находилась проблема института прокуратуры. Первоначально Комитет вообще не планировал организовывать таковой; предполагалось, что обвинительными полномочиями будет обладать архиерей, и это, до некоторой степени, компенсирует утрату последним судебной власти. Тем большей неожиданностью стал итоговый текст проекта. Прокуроры, определявшиеся из «гражданских чинов, получивших юридическое образование, или же вообще из лиц с высшим образованием, практически знакомых с судебной частью», должны были состоять при духовно-окружных судах и при Судебном отделении Святейшего Синода. Назначались прокуроры обер-прокурором [9, ст. 35—36]. По вопросу взаимодействия прокурорской и архиерейской власти, Комитет пытался найти компромиссное решение: согласно проекту, прокурор, рассмотрев данные следствия, составлял обвинительный акт (либо заключение о прекращении следствия/изменении подсудности), и представлял его епископу. Последний мог либо утвердить решение прокурора, либо заменить своим постановлением. В случае несогласия прокурор и потерпевшие лица имели право подать жалобу в Судебное отделение Синода [9, ст. 100—102]. При обсуждении некоторые члены Комитета даже находили, что ущемлены права прокурора. В частности, отмечалось, что он таким образом становится «как бы уполномоченным от архиерея, но отнюдь не самостоятельным, каким должен быть в существе, по мысли о прокурорском надзоре». Предлагалось обязать прокурора только доводить до архиерея сведения о предании суду или об окончании следствия; преосвященный в таком случае мог бы лишь изъявить свое согласие или несогласие с предложенным решением. Однако возобладало мнение, согласно которому архиерей не должен

быть вовсе странен от дел подчиненных ему священнослужителей; подчеркивалась особая специфика духовно-судебных дел: «архиерей гораздо ближе, нежели прокурор, специален в определении степени значения проступков священнослужителей. Так, например, по мнению прокурора иной проступок священнослужителя не будет признан значительным, тогда как за такой проступок архиерей этого священнослужителя устранил от алтаря Господня» [6, с. 2—3].

Однако реакция на идею введения в духовных судах прокуратуры была все равно резко негативной. Епископы видели в прокуратуре еще один институт, с помощью которого предпринималась попытка ограничить их власть. Костромской епископ Платон (Фивейский) в своем отзыве провозглашал: «надобно самым решительным, самым категоричным образом выразить, что учреждение в духовных судах прокурорского надзора равняется совершенному отрицанию самой церкви по отношению ее к государству» [8, с. 205]. Ему вторил волынский епископ Агафангел (Соловьев): «Духовно-судебная власть отнимается ... у архиереев и передается священникам и прокурорам, **а главным образом обер-прокурору** (выделено мною — А.Н.)... властвование светских людей над архиереями и священниками в исполнении сими последними церковных правил — явление, какого не бывало в самые тяжелые для церкви и иерархии времена» [7, с. 184]. Преосвященный сравнивал будущее положение клириков с положением крепостных крестьян и военных поселян [7, с. 187], а также предупреждал, что обер-прокурор сделается «властелином над всем православным духовенством России, каковым едва ли был и Всероссийский Патриарх» [7, с. 193]. Преосвященный не ограничился предоставлением своего отзыва Синоду. Вскоре в Волынских епархиальных ведомостях появилась анонимная статья, почти дословно воспроизводящая вышеизложенные положения. Публикация сразу вызвала повышенный общественный интерес. Хотя авторство и не было указано, всем было понятно, что в главном издании епархии подобный материал просто не мог появиться без прямой санкции правящего архиерея. Учитывая, что епископские отзывы на тот момент еще не были опубликованы, происшедшее приобретало скандальный характер. Вслед за общественным интересом последовал и интерес государственных структур. 7 июля 1874 года в Синод поступило отношение из МВД, в котором было констатировано, что в статье «в крайне резких выражениях обсуждается и совершенно порицается составленный... Комитетом проект... причем с особенною настойчивостью автор восстает против расширения власти обер-прокурора Святейшего Синода» [11, л. 107.]. Недовольство вызвало именно

то обстоятельство, что негативное мнение архиерея о проекте Комитета стало известно широкой публике, тем более что материал епархиального издания был перепечатан и в некоторых светских газетах, «которые подверглись бы административной карательной мере, если бы подобная статья была напечатана в них самостоятельно, а теперь должны быть оставлены без всякого взыскания» [11, л. 108]. Епископ Савва (Тихомиров) в своих воспоминаниях свидетельствует, что владыка Агафангел всерьез опасался ссылки и даже отдал необходимые распоряжения относительно своего имущества. Мемуарист успокаивал своего коллегу: «Если эти власти сколько-нибудь будут беспристрастны, они не могут не признать справедливости Ваших суждений... Ваших опасений относительно ссылки позвольте мне не разделять, так как Вы не одни идете против комитетского проекта» [12, с. 751]. И действительно, Синод не стал устраивать серьезного разбирательства, лишь предписав мятежному архиерею «на будущее время быть осторожным в подобных действиях» [11, л. 112]. Савва вынужден был отметить великодушие обер-прокурора, не давшего хода делу, хотя статья епископа Агафангела и была направлена фактически против него [12, с. 752].

Из всех архиерейских отзывов аргументированное высказывание в поддержку прокуратуры находим только у епископа Таврического Гурия (Карпова). Светский прокурор, по его мнению — «человек юридического образования, специальный. При нем и наши судьи не останутся без научного руководства» [8, с. 310]. Точка зрения преосвященного была достаточно оригинальной: он вообще не видел противоречия между государственными и церковными институтами и ратовал за их максимально тесное сотрудничество. Такая бесконфликтная интерпретация церковно-государственных отношений вполне допускала учреждение института светской прокуратуры в церковном суде; единственное изменение в тексте проекта, на котором владыка настаивал, должно было заключаться в уточнении конфессиональной принадлежности прокуроров — они должны были назначаться из лиц «*непрерменно* православного исповедания» [8, с. 315].

Против введения прокуратуры высказался не только епископат. По замечанию И.С. Бердникова, оно было осуждено всеми канонистами того времени, как консервативного, так и либерального направления [2, с. 210]. Формально некоторые специалисты по церковному праву допускали существование данного института в новом церковном суде; но даже такие сторонники реформы

как например Т.В. Барсов, делали акцент на приоритете архиерейских полномочий [1].

Сложнее определить позицию светских обозревателей. С одной стороны, многие влиятельные издания с симпатией отнеслись к идее организовать церковное судопроизводство в соответствии с современными правовыми началами; обвинительная власть казалась им естественно относящейся к сфере компетенции прокуратуры, а не епархиального начальства. Однако популярна была и противоположная точка зрения: правые, и левые имели свои причины не желать усиления государственного контроля над церковью. «Гражданин» констатировал, что «мирская прокурорская власть уже и так преобладает в церковном управлении, в ущерб не одной иерархии, но и пастве» [4, с. 577]. Либеральный «Вестник Европы» указывал, что Комитет, наделяя обер-прокурора дополнительными полномочиями, противоречит принятому собою же принципу отделения суда от администрации. Издание предлагало передать духовно-судебную власть «особому обер-прокурору Синода по судебной части, совершенно независимому от нынешнего административного обер-прокурора» [3, с. 757].

Итак, проект духовно-судебной реформы не был осуществлен в 1870-е гг., во многом из-за широкой критики положения об институте прокуратуры. Это обстоятельство имело важные последствия. В ходе дальнейшей разработки реформы вопрос об учреждении специального института прокуратуры поднимался редко; обвинительные и надзорные полномочия стали рассматриваться как исключительная прерогатива епископа. Дискуссии же по вопросу о прокуратуре в рассмотренный период интересны тем, что в их ходе максимально отчетливо выявились противоположные позиции трех основных сторон конфликта: государства, консервативного епископата и либеральной общественности. Государство стремилось усилить свой контроль над церковью с помощью института прокуратуры, епископат оказывал противодействие, а общественность критически оценивала оба подхода.

Список литературы:

1. Барсов Т.В. Об участии обвинительной и административной власти в решении вопросов о предании суду и прекращении дела // Странник. — 1873. — № 10. — Ч. 1. — С. 62—98.
2. Бердников И.С. К вопросу о реформе епархиального управления и суда. Казань: Центр. Тип., 1906. — 249 с.
3. Вестник Европы. 1873. Кн. 8.

4. Гражданин. 1874. № 20—21.
5. Журнал 2 заседания Комитета // Материалы Комитета для преобразования духовно-судебной части. Т. 1. СПб., 1870—1872.
6. Журнал 77 заседания Комитета // Материалы Комитета для преобразования духовно-судебной части. Т. 1. СПб., 1870—1872.
7. Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части. Т. 1. СПб.: Синодальная типография, 1874. — 523 с.
8. Мнения преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части. Т. 2. СПб.: Синодальная типография, 1878. — 434 с.
9. О работах по преобразованию духовно-судебной части: Проект основных положений преобразования духовно-судебной части // Христианское чтение. — 1873. — № 8. — С. 618—651.
10. Православное обозрение. 1871. № 3.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 299. Л. 107.
12. Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 4. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, собств. тип., 1902. — 852 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О БЕЖЕНЦАХ КОМИТЕТА В 1915—1917 ГГ.

Павлова Оксана Сергеевна

*канд. ист. наук, доцент Стерлитамакского филиала
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»*

РФ, г. Стерлитамак

E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

THE ACTIVITY OF THE UFIMIAN EPARCHIAL TRUSTEE CONCERNING REFUGEES OF THE COMMITTEE IN 1915—1917

Oksana Pavlova

*candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of Sterlitamak Branch, FSBEI HPE “Bashkir State University”,
Russia, Sterlitamak*

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 15-40.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается деятельность уфимского епархиального духовенства по организации помощи беженцам на территории Уфимской губернии в годы Первой мировой войны. Уфимский Епархиальный попечительный о беженцах Комитет развернул широкую деятельность по сбору средств, обеспечению одежды, жильем и трудоустройством беженцев.

ABSTRACT

The article deals with the activity of the Ufimian eparchial clergy on the assistance organization for refugees in the territory of Ufa province during World War I. The Ufimian eparchial Trustee Committee concerning refugees has launched a wide range of fund-raising activities, the provision of clothing, accommodation and employment of refugees.

Ключевые слова: Уфимская губерния; беженцы; Уфимский Епархиальный попечительный о беженцах Комитет; Уфимский отдел Всероссийского Общества попечения о беженцах; духовенство.

Keywords: Ufa province; refugees; Ufimian eparchial Trustee Committee concerning refugees; the Ufa Department of all-Russian Society of ministering refugees; clergy.

Одной из актуальных проблем, порожденных Первой мировой войной стало беженство — исход населения из мест проживания в связи с угрозой жизни от неприятеля [2]. Приняв решение о необходимости массового перемещения населения из западных прифронтовых районов в тыловые, государство сформулировало основное содержание своей политики попечения о беженцах в законе от 30 августа 1915 года «Об обеспечении нужд беженцев». При МВД, на которое была возложена забота о нуждах данной категории

населения, 10 сентября 1915 года было учреждено Особое совещание по устройству беженцев с функциями высшего совещательного органа под председательством министра внутренних дел и специальный отдел. На местах оказанием помощи беженцам занимались губернаторы, земские учреждения, городские управления и комитеты [1, с. 52]. Активное участие в организации благотворительной помощи принадлежало инициативе епархиального духовенства.

В Уфимскую губернию, как один из регионов, принимающих беженцев, планировалось отправить сто тысяч человек. К тому времени свыше 2000 уже было расселено в Мензелинском уезде [3, с. 722]. По сообщению Епископа Уфимского и Мензелинского Андрея собранию от 17 августа 1915 года о том, что на днях ожидается прибытие беженцев в Уфу, для детей беженцев в нижнем этаже Архиерейского дома было приготовлено помещение на 15 человек, куплены кровати с постельным бельем. Но поскольку на содержание такого количества лиц у Архиерейского дома средств было недостаточно, то было отмечено необходимым обратиться к помощи Братства. Совет, присоединяясь к сделанному Его Преосвященством почину по оказанию помощи беженцам, решил по мере сил помогать содержанием из Братских средств [3, с. 724].

Для попечения о беженцах в каждом уезде Уфимской губернии действовали Уездные Советы по делам о беженцах, в Уфе — Городской Совет по делам о беженцах. Эти советы заведовали делом как выдачи беженцам пособий на квартиры и на продовольствие, так и на снабжение их одеждой, бельем и обувью. В помощь Советам в уездах были учреждены волостные и районные Комитеты и Попечительства. Для беженцев поляков, литовцев, латышей и евреев, были учреждены свои национальные комитеты, попечительства и уполномоченные [7, с. 561—562].

Епископ Андрей в целях согласования деятельности приходских комитетов епархии по призрению беженцев с земскими организациями, работающими по Уфимской губернии и имеющими те же задачи, предложил комитетам заявить в образованные земствами в уездах порайонные комитеты о беженцах о желании войти с ними в совместную работу в качестве мелких подсобных организаций в тех или иных селениях, подлежащих ведению порайонного земского комитета с правом получать на расходы по размещению и питанию беженцев ту же казенную денежную помощь, какую пользуются земские организации. По этому поводу им было отмечено следующее: «...Особенно о сем должны позаботиться о.о. настоятели уездных соборов, стоящие во главе уездных комитетов и войти в сношение

с уездными земскими Советами и беженцах и преподавать соответствующие указания причтам тех приходов уезда, в помощи коих земские Советы будут нуждаться. Кроме этого предлагаю о.о. настоятелям всех приходов епархии немедленно сообщить уездным земским Советам о беженцах о всех церковных и причтовых помещениях прихода, где могут быть размещены беженцы, включив в это число и те помещения, о которых было уже сообщено на съезде о.о. депутатов в Уфе» [4, с. 818].

В интересах трудоустройства беженцев, на страницах «Уфимских епархиальных ведомостей», Комитет Общеземского Союза опубликовал обращение, адресованное ко всем владельцам промышленных, торговопромышленных заведений, фабрик, заводов и частным лицам с предложением воспользоваться трудом беженцев. В обращении было отмечено, что среди беженцев есть лица всяких специальностей и профессий. Лиц, желающих воспользоваться трудом беженцев [3, с. 722].

Показательно, что епархиальное начальство предпринимало шаги к решению самого широкого круга вопросов, возникавших в процессе обустройства беженцев. Так, 13 октября 1915 г. в 7 часов вечера, в Архиерейском доме под председательством Преосвященного Андрея состоялось собрание членов Уфимского Епархиального попечительного о беженцах Комитета. Первым был поставлен вопрос об оказании духовной помощи беженцам в Уфе, на имеющихся распределительных пунктах и в приходах. Преосвященный Андрей сообщил о случае, имевшем место недавно в Ислинской волости, где часть беженцев разместились у татар. Беженцы были удивлены и весьма огорчены, когда их хозяева не разрешили им молиться по христиански. Секретарь Губернского Присутствия г. Ареопатский объяснил, что при распределении беженцев Земским Союзом было принято во внимание, чтобы беженцы размещались по домам, где живут православные [5, с. 864—865].

Имея целью привлечь к предстоящим весной и летом полевым работам беженцев, расселенных как в городах, так и в селениях Уфимской губернии, Уфимский отдел Всероссийского Общества попечения о беженцах сформулировал просьбу ко всем пастырям оповестить беженцев, живущих в их приходах о том, что Отдел получил предложение от Г. Управляющего Уфимским Отделением Крестьянского Поземельного Банка А.М. Снегирева предоставлять беженцам обработку принадлежащих Банку земель на льготных условиях аренды [6, с. 113]. Также Отделами Всероссийского Общества попечения о беженцах было открыто три склада в городах

Уфе, Белебее и Мензелинске для снабжения беженцев одеждой по районам. За реализацией всех мероприятий в губернии, исследованием на местах нужд беженцев следили специально назначаемые агенты, которыми были командированные отделом по уездам священники Холмской епархии [6, с. 113—114].

К началу 1917 года, согласно данным местного статистического беженского Комитета, в Уфимской губернии поселилось более 70 тысяч человек [8, с. 98]. За означенный период уфимскому епархиальному духовенству удалось организовать разноплановые формы помощи беженцам и успешно справиться с поставленной государством задачей.

Список литературы:

1. Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник БФУ им. И. Канта. — 2013. — № 12. — С. 51—62.
2. Туманова А.С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/268766/> (дата обращения: 09.08.2015).
3. Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 17.
4. Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 20.
5. Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 21.
6. Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 3.
7. Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 17.
8. Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 3—4.

ОЛЬГА ПЛАТОНОВНА ВЕЙСС — ПОТОМОК ДЕМИДОВЫХ И ДАЛЕЙ

Пакшина Наталья Алексеевна

*канд. тех. наук, доцент, кафедра прикладной математики,
Арзамасский политехнический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный технический
университет им. Р.Е. Алексеева»,
РФ, г. Арзамас
E-mail: Nataliapakshina@mail.ru*

OLGA P. VEYSS IS DESCENDANT OF THE GENUS OF DEMIDOV'S AND DAHL'S

Natalia Pakshina

*candidate of Sciences (PhD) degree in Technical sciences,
Associate Professor, Department of Applied Mathematics
of Arzamas Polytechnic Institute of R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State
Technical University,
Russia, Arzamas*

АННОТАЦИЯ

К родословной Демидовых и Далея обращались многие авторы. Неоднократно строились генеалогические древа этих знаменитых родов. В то же время жизнь и деятельность потомка этих родов Ольги Платоновны Вейсс освещена очень скупо. О ней опубликовано совсем мало информации. Между тем эта талантливая женщина внесла весомый вклад в становление образования России.

ABSTRACT

There are many authors who researched genealogy of Demidovs and Dahls. A genealogical Demidovs' and Dahls' trees were being built repeatedly. But life and activity of descendant of these genus Olga P. Veys are considered very small. There are little published information about herself. Meanwhile this talented woman has made the significant contribution to the development Russian education.

Ключевые слова: родословная; Ольга Платоновна Вейсс; Демидовы; Дали; женское образование.

Keywords: genealogy; Olga Veys; Demidovs; Dahls; woman education.

Предметом проводимого исследования стала жизнь и деятельность Ольги Платоновны Вейсс (в большинстве современных публикаций фамилия указана, как Вейс) последней начальницы Женского училища духовного ведомства в Ярославле. О.П. Вейсс работала во главе данного учебного заведения, начиная с 1905 года. Ее девичья фамилия Демидова. Происходила она из нижегородской ветви знаменитого рода промышленников и благотворителей. Эта ветвь начинается от основателя крупнейшего в XVIII веке Ботанического сада, известного ботаника, составителя многочисленных коллекций, Прокофия (или Прокопия, как тогда чаще писали) Акин-

фиевича Демидова (1710—1786). А доводилась она ему прапраправнучкой.

Ольга Платоновна родилась в 1865 году в семье нижегородского помещика, юриста Платона Александровича Демидова и его супруги Ольги Владимировны. Ее мама была дочерью Владимира Ивановича Даля составителя «Толкового словаря живого великорусского языка». Тут уместно остановиться на этом родстве и уточнить некоторые детали. В ряде источников, например, на сайте Ярославского художественного музея, встречается такая информация, что Ольга Платоновна — «племянница Даля» [18]. Большинство читателей воспринимают это, как племянница этнографа, филолога, писателя В.И. Даля. Нет, писателю она доводилась родной внучкой. А что касается племянницы, то она действительно была племянницей его сына, известного архитектора Льва Владимировича Даля. Ее дядя являлся создателем символа Нижнего Новгорода — собора Александра Невского, что расположен на стрелке. А еще он построил дом и ряд строений на хуторе Гремячий (Васильсурского уезда, Нижегородской губернии), в котором прошло детство Ольги и где она жила в летние месяцы в годы своей юности.

Но эта женщина интересна нам не только как родственница знаменитых, незаурядных людей, но и сама по себе, как человек яркий и одаренный. К сожалению, опубликованные сведения о ее жизни разрознены и противоречивы.

Ольга Платоновна окончила Московскую гимназию Фишер и получила прекрасное образование [12]. С последним утверждением читатель может не согласиться. Государственные женские гимназии создавались с 1862 года Ведомством учреждений императрицы Марии. В 70-х годах XIX века в стране было уже около 200 женских гимназий. Очень и очень многие женщины получали гимназическое образование, это было скорее нормой. Но эти гимназии сильно отличались от мужских [7]. А гимназия Софьи Фишер была особенной.

Первая женская частная гимназия Софьи Николаевны Фишер, открылась в Москве в 1872 году как экспериментальная женская классическая гимназия. С 1874 года она размещалась во 2-м Ушаковском переулке, в доме № 3. Вскоре, несмотря на высокую плату, она стала очень популярна. В год открытия гимназии в ней училось всего 15 девочек. За 40 лет существования этого учебного заведения 421 ученица получила аттестаты зрелости. Гимназия Фишер по своему учебному плану не отличалось от учебного плана мужских классических гимназий: здесь серьезно изучались древние языки, математика и даже теология. Более того, успехом пользовалось

и богословие, введенное здесь на несколько лет раньше, чем в мужских гимназиях, и европейские языки преподавались шире и сильнее. Гимназистки, с успехом окончившие курс 6 классов, получали звание домашних учительниц, а окончившие курс этих классов с особым отличием — звание домашних наставниц [14].

Так вот, Ольга Демидова закончила гимназию в 1881 с золотой медалью и была оставлена в ней как преподаватель. Она вела математику «с 1882—1883 г. и с 1888—1889 г.», новые языки «с 1887—1894 и с 1895—1900 г.», историю «с 1887—1893 г.» и пение «с 1890—1901 г.» [5]. Если говорить о языках, то она в совершенстве владела французским, английским, немецким, итальянским, древнегреческим и латынью [3].

Если в других женских гимназиях греческий язык не преподавался, то ученицы гимназии Фишер ставили пьесы Еврипида на греческом языке. Кстати, С.Н. Фишер, сама преподавала древние языки. В 1878 году работы учениц гимназии по латинскому и древнегреческому языкам получили благодарности на Всемирной выставке в Париже, а сама Фишер — звания *Officier de l'Academie de France* и соответствующего знака отличия. Уровень знания греческого языка Ольги Платоновны был таким, что позволил перевести «Эдипа» Софокла и «Троянок» Еврипида.

Что примечательно, император Александр II дал разрешение выпускницам этой гимназии преподавать во всех классах женских гимназий и даже в первых четырех классах мужских гимназий — это по тем временам было признанием огромного успеха [1].

Музыке и танцам учили преподаватели консерватории и артисты балета императорских театров, а на выпускных экзаменах нередко присутствовал композитор Н.Г. Рубинштейн [7]. Ольга Платоновна была на редкость музыкальной. Она училась музыке не только в гимназии С.Н. Фишер, но и на курсах при Императорском русском музыкальном обществе, являлась одной из лучших учениц Н.Г. Рубинштейна [3]. Она была одаренной пианисткой, обладала абсолютным слухом, прекрасным меццо-сопрано, Антон Рубинштейн, не раз уговаривал ее посвятить себя пению. Кроме них, по словам ее праправнучки Анастасии Александровны Журавской, Ольга Платоновна была хорошо знакома со многими музыкантами и композиторами с Ц. Кюи, Н.А. Римским-Корсаковым, М.А. Балакиревым и Ф. Листом [3].

Занималась она и переводами, чаще всего романсов. В «Русском вестнике» было помещено много переведенных ею романов, а также несколько стихотворений Г. Гейне. Она занесена библиогра-

фический словарь «Писатели России», составленный Ю.А. Горбуновым, именно, как переводчица [9].

Ольга Платоновна вышла замуж за доктора медицины, врача-терапевта Арсения Николаевича Вейсс (1853—1887), который с 1878 по 1886 года работал в должности доктора в той же гимназии. А.Н. Вейсс доводился родным племянником начальнице гимназии С.Н. Фишер. У них родилась дочь Софья. Ольга Платоновна очень рано овдовела. Год смерти ее супруга в разных источниках указывается по-разному в 1887 [6], а в ряде публикаций указывается 1888 или 1886 год, но автор склонен верить данным Русского провинциального некрополя, где говорится, что похоронен он был вместе с родителями «†с. Григорьево Тверь-у.» в январе 1887 года [15].

В начале XX века она жила в Ярославле и с 1905 года работала начальницей Ярославского женского духовного училища вплоть до белогвардейского мятежа в 1918 году. К этому времени дочь Софья уже окончила ту же гимназию С.Н. Фишер, что и ее мать, две тети.

И именно сюда в училище неоднократно в период с 1908 по 1914 год к Ольге Платоновне приезжала с семьей погостить еще одна представительница рода Демидовых родная сестра Евгения Платоновна. Она была замужем за известным музыкантом, пианистом Сергеем Михайловичем Ляпуновым. Так вот они проводили здесь летние месяцы [17, с. 11, 13]. Известно, что во время пребывания С.М. Ляпунова в Ярославле он неоднократно давал концерты для жителей города. Кстати, нелишне будет упомянуть о том, что композитор С.М. Ляпунов — уроженец Ярославля, сын директора Демидовского лицея Михаила Васильевича Ляпунова. Их семья жила в здании лицея, и не исключено, что в детстве гуляя вдоль Волжской набережной, видел красивое, только построенное здание Училища для девиц духовного звания. В середине XIX века здание выглядело несколько иначе, не было еще пристроено рядом корпусов, в одном из которых полвека спустя останавливался композитор, немного по-другому выглядел купол домово́й церкви Святого духа. Но и тогда здание училища было истинным украшением набережной.

Что же представляло собой Ярославское женское училище духовного ведомства в начале XX века? Отметим, что это было первое женское учебное заведение в Ярославле. Расположено оно было на высоком Волжском берегу, рядом с Флотским (Вознесенским) спуском, недалеко от пристани, где и тогда, и сейчас причаливают пароходы. Современный адрес здания Волжская набережная, 59. Училище занимало большую территорию. Его двор и парк тянулись от главного здания до Б. Петропавловской (ныне ул. Терешковой) улицы.

Здание окружал большой сад, был при нем и хозяйственный двор, и небольшой огород, а также птичий и скотный двор. Ухаживали и за огородом, и за домашними животными сами воспитанницы. Жили они здесь же. Иногда для воспитанниц устраивались выезды за город для отдыха, где излюбленным местом была Полушкина роща. Роща располагалась к северу от училища на окраине города. Это учебное заведение имело права гимназии и предназначалось для дочерей духовенства из 3-х ближайших епархий — Ярославской, Вологодской, Костромской. Хотя со временем в него стали поступать девочки и из других более отдаленных мест, например из Рязани, Тамбова. Поступали дочери священнослужителей в это училище в возрасте 10—12 лет.

Далее представим одно объявление из № 5 «Костромских епархиальных ведомостей» за 1913 год, которое как нельзя лучше характеризует училище в начале XX века.

«От правления Ярославского женского училища духовного ведомства. Приемные испытания проводятся в объеме трехгодичного курса ЦПШ, при этом будет обращено внимание не столько на знание девочками учебников, сколько на общее их развитие и толковость. Годовая плата за содержание и обучение (со вкл. учебников и учебных пособий) 130 рублей в год... С текущего 1912—13 уч. года при училище открыт 7-й класс, а с августа 1913 г. открывается и 8-й класс... Сверх обязательной программы в училище преподаются и необязательные предметы:

- французский язык
- с 1 класса без особой доплаты
- немецкий язык — по желанию со 2-го или 3-го класса за особую плату от 4 до 7 руб. в год.
- музыке — по желанию за особую плату — 25 руб. в год.» [8].

Преподавателями училища были лучшие учителя города. Программа училища не была сложной, что характерно и для большинства других женских учебных заведений того времени. Общее гимназическое образование дополнялось приобретением навыков ведения домашнего хозяйства, медсестринского дела и ухода за детьми, что для будущих жен священников было немаловажно.

Училище было закрытого типа, первоначально учениц не отпускали домой даже на каникулы. Но в начале XX века при О.П. Вейсс режим был несколько изменен. Хотя в целом распорядок жизни был размерен и, естественно, предполагались обязательные вечерняя и утренняя ежедневная молитва. При училище имелась своя домовая церковь, которая

содержалась за счет жертвователей. Настоятелем училищного храма (Духовской церкви) в годы перед революцией являлся протоиерей Сергей Лилиев [13]. Ученицам преподавали Закон Божий и учили их церковному пению.

Современники отмечали успехи воспитанниц. Но особенно они поражались тому, как были построены занятия. В частности, на устные уроки ученицы приходили со своим рукоделием. Слушая рассказ преподавателя или ответ одной из них, они продолжали начатое ими дело — вязание, шитье, вышивку. Вызванные к доске, они откладывали рукоделие и начинали отвечать. На качестве знаний эта ручная работа практически не отражалась. Лучшие образцы рукоделия преподносили царскому двору в виде подарков: вышитые золотом иконы, евангелия в расшитом золотом переплете и т. д. Не исключено, что некоторые инновационные подходы, говоря современным языком, к организации учебного процесса были подсказаны тем, как было поставлено обучение в Московской гимназии С.Н. Фишер. Положительную роль для начальницы О.П. Демидовой сыграло и то, что ей в период работы в гимназии пришлось преподавать не одну, а несколько разных учебных дисциплин.

Общее количество воспитанниц в Ярославском женском училище духовного ведомства было более 200, например, в 1916 году в училище обучалось 255 девиц [2, с. 366]. По окончании училища девушки получали свидетельство, а также денежное пособие в соответствии со своими успехами. Некоторые из них, которые являлись малоимущими и выходили замуж за лиц духовного звания, получали приданое. В начале XX столетия выпускницы чаще всего впоследствии работали учительницами в начальных школах [16, с. 65].

На долю О.П. Вейсс выпали не самые легкие годы для Ярославского училища. На период ее работы пришлось строительство и реконструкция училищного комплекса, переход от 6-летнего обучения к 7 и 8-летнему, а, следовательно, преобразование учебных программ.

Пришедшая к власти в 1917 году партия большевиков в 1918 году приняла «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», и ряд других актов, в соответствии с которыми функционирование всех духовно-учебных заведений прекращалось [11]. Закрыли училищную церковь, убрали крест с шатра, венчающего церковное помещение. Но самое страшное ожидало Ольгу Платоновну и ее семью впереди. С 6 июля 1918 года в Ярославле началось белогвардейское восстание, которое в литературе чаще именуется мятежом. На подавление восстания в город были стянуты большие

силы. Город непрерывно обстреливали артиллерия и бронепоезда, бомбили с аэропланов.

По данным «Чрезвычайного штаба по ликвидации мятежа»: *«за два полета сброшено более 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника около бывшего губернаторского дома... Лётчиками замечены сильные повреждения зданий и возникшие пожары...»* [19]. А ведь женское училище находилось от этого здания всего в 700 метрах. В северной части города еще ближе к училищу всего в 500 м от здания выгорел весь район. Уничтожались улицы и кварталы. При этом обстрел велся не хаотично, а по так называемой, немецкой системе, планомерно квадрат за квадратом. Повсеместно горели здания, храмы, промышленные предприятия и хозяйственные постройки. Тушить их не удавалось, так как пожарная часть и городская водонасосная станция были разрушены. В охваченной восстанием части города было уничтожено до 80 % всех строений.

Воспоминания очевидцев тех давних трагических событий очень разнятся друг от друга, в зависимости от того, на чьей стороне выступали эти люди, и какие слои общества представляли. Поэтому для получения как можно более правдивой картины обратимся к воспоминаниям человека, не представлявшего ни белогвардейцев, ни красноармейцев, а случайно оказавшегося в самом центре обстреливаемого города.

Это был известный российский певец Юрий Спиридонович Морфесси, приехавший в Ярославль на гастроли. Он опубликовал книгу «Жизнь, любовь, сцена. Воспоминания русского бояна», где живо описаны июльские события в Ярославле 1918 года.

Поместим здесь отдельные выдержки из этой книги:

«Весь Ярославль был в огне...»

... Население дни и ночи проводило в подвалах и погребях. Вначале все шло вверх дном, а потом притерпелись. Привычка делает обыденным и будничным самое невероятное. Так и мы свыклись с обстрелом, с ежеминутной опасностью, свыклись с пожарами, от которых ночью было светло, как в солнечный день.

... Обыкновенной воды не было — красная артиллерия разрушила весь сложный аппарат водопроводов. Напоследок значительная часть населения не выдержала дьявольской бомбардировки. Не выдержали нервы, не говоря уже о физической опасности. Тысячи семейств, побросав дома и квартиры, под открытым небом разбились на берегу Волги какой-то исполинский табор цыган. Но это не был табор

веселья и удалых песен, — это был табор голода, горя и слез..» [10]. Эти кромешные дни так врезались в память Ю.С. Морфесси, что он написал про них: «...умирая не забуду».

Ольга Платоновна, уезжая из мятежного Ярославля летом 1918 года, оставила там сундук с *«рукописями Пушкина, Шевченко и Перовского, там же был и неизвестный портрет самого Даля»* [18]. И этот поспешный отъезд был вполне оправдан. Можно только ужасаться тому, сколько пришлось пережить Ольге Платоновне и ее дочери Софье, младший сын которой Лев появился в самый разгар мятежа 13 июля 1918 года.

После подавления восстания в Ярославле 21 июля 1918 года в городе начался массовый террор. По воспоминаниям современника, расправлялись не только над восставшими, но и жителями города «с малейшим проблеском внешней интеллигентности». Ольга Платоновна покинула Ярославль с дочерью Софьей Арсеньевой и двумя маленькими внуками Кириллом и Львом, которому было всего несколько дней отроду.

Она и ее ближайшие родственники понесли невосполнимые потери в революционные и послереволюционные годы. Достаточно назвать два имени. Ее дядя действительный статский советник Александр Александрович Демидов был убит в 1918 у себя в нижегородском имении Быковка. А родной брат Лев Платонович Демидов расстрелян в Москве в 1919 году.

Потом она вместе с семьей дочери жила в Москве, Краснодаре, Фрунзе и совсем короткий период в Ленинграде, где скончалась и была похоронена в 1935 году [4]. Потомки О.П. Вейсс проживают в настоящее время в Твери. Расскажем немного об ее ближайших родственниках.

Мужская половина ее семьи связала свою жизнь с медициной. Не лишним будет напомнить, что лекарем был ее прадедушка по материнской линии Иван Матвеевич Даль, дедушка известный писатель и этнограф Владимир Иванович Даль начинал свою деятельность тоже как военный врач. Доктором медицины был ее муж Арсений Николаевич Вейсс, военным врачом работал зять Сергей Иосифович Журавский. Внук Лев Сергеевич Журавский — доктор медицинских наук, профессор Калининского медицинского института, он был переведен в Калинин (теперь Тверь) в 1955 году вместе с институтом, в котором работал. Его сын Александр Львович Журавский — хирург областной больницы в Твери. Праправнучка О.П. Вейсс (Демидовой) Анастасия Александровна Журавская —

кандидат философских наук, культуролог, преподаватель, сейчас живет в Твери.

Мы рассмотрели краткую биографию Ольги Платоновны Вейсс (урожд. Демидовой). А поскольку ее жизнь была тесно связана с двумя женскими учебными заведениями, попутно познакомились с особенностями работы женских учебных заведений царской России последней трети XIX века — начала XX. Эта талантливая женщина очень много сделала для женского образования не только Ярославля, но и России. В процессе работы удалось установить ряд новых фактов ее биографии и уточнить некоторые даты. К сожалению, остается еще немало неясностей в ее жизни и деятельности. Поиск информации продолжается и сегодня. И автор не теряет надежды восполнить со временем существующие пробелы.

Список литературы:

1. Бецкая А. Наставникам, хранившим младость нашу... Педагогическая история Москвы не моложе нашего города [Текст] // Московские торги: сайт. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.moscowtorgi.ru/news/istoki/434/> (дата обращения: 5.08.2015).
2. Епифанова Н.М. Использование исторических сведений на занятиях по методике преподавания математики: к 100-летию ЯГПУ и 1000-летию Ярославля [Текст] // Труды пятых Колмогоровских чтений. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. — 400 с.
3. Журавская А.А. [Текст]. // Демидовы объединяемся: форум 22.06.10. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://vk.com/topic-7969777_17300582 (дата обращения: 7.08.2015)
4. Журавская А.А. Письмо Пакшиной Н.А. от 21.07.2015 [Текст].
5. Историческая записка о 40-летиі Женской классической гимназии С.Н. Фишеръ. Съ 1-го сентября 1872 г. по 1-е сентября 1912 г. / По матеріаламъ, собраннъмъ Г.Б. Фишеромъ /СОСТАВИЛЪ И. Влади-мірскій. Изданіе бывшихъ воспитаницъ гимназіи С.Н. Фишеръ. — М. Т-во „Печатня С. П. Яковлева“. 1912.
6. Краснова Е.И. Демидовы: Родословная роспись. [Текст] — Екатеринбург, 1992.
7. Лебедева Е. Московская церковь святителя Стефана Пермского при 1-й мужской гимназии на Волхонке // Православие: интернет-журн. 07.05.04 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/124.htm> (дата обращения: 20.07.2015).
8. Морфесси Ю.С. Жизнь, любовь, сцена: Воспоминания русского бояна. Париж: изд-во «Старина», 1935. — С. 122—130.

9. От правления Ярославского женского училища духовного ведомства [Текст] // Костромские епархиальные ведомости: газ. — 1913. — № 5.
10. Писатели России: библиографический словарь / сост. Горбунов Ю.А. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:DFo7Ks2EC6YJ:book.urai.ru/elib/authors/gorbunov/sl-3.htm+%&cd=6&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 20.07.2015).
11. Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России [Текст]: Автореф. дис. ... док. ист. наук — М.: МГУ, 2009. — с. 46.
12. Список служащих в женских духовных учебных заведениях на 1910 год / Женские училища духовного ведомства, состоящие под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Феодоровны. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.petergen.com/bovkalopr/zhuch1910.html> (дата обращения: 5.08.2015).
13. Филиппова В. Возникновение и развитие женского образования в Ярославле и Ярославской губернии [Электронный ресурс] // Эрудиция. Российская электронная библиотека. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.erudition.ru/referat/ref/id.19100_1.html (дата обращения: 6.08.2015).
14. Цукор А. Что общего у московских лодырей 19 века, знакомой Пушкина, рассказа «Муму», гимназии Софьи Фишер и фабриканта Бутикова? // Агентство элитной недвижимости Sugar Property: сайт. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://sugarproperty.ru/blog/104/chtobschego-u-moskovskih-lodyrey-19-veka-znakomoy-pushkina-rasskazamumu-gimnazii-sofi-fisher-i-fabrikanta-butikova.html> (дата обращения: 3.08.2015).
15. Шереметевский В. Русск. провинц.некрополь. Т. 1. М.,1914.
16. Ярославль на рубеже XIX—XX веков. Почтовая открытка. — М.: Интербук-бизнес, 2009. — 80 с.
17. Ярославль: путеводитель. [под ред. Мейеровича М.Г.] — М.: Советская Россия, 1976.
18. Ярославский художественный музей приоткрывает тайны музейных фондов [Электронный ресурс] // Ярославский Художественный музей: сайт. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://360yaroslavl.ru/news/yaroslavskiy_hudojestvennyy_muzej_priotkrivaet_tayny_muzeynyh_fondov/ (дата обращения: 3.08.2015).
19. Ярославское восстание // Википедия: сайт. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 4.08.2015).

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИМЕНИЯХ ДВОРЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Федосеев Роман Васильевич

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Средне-Волжский (г. Саранск) филиал ФГБОУ ВПО «Российская
правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»;
Мордовский гуманитарный институт,
РФ, г. Саранск
E-mail: fedoseevrv@gmail.com*

MAIN TYPES OF ECONOMIC ACTIVITY IN MANORS OF NOBLEMEN OF CENTRAL VOLGA AREA IN THE SECOND HALF OF XIX — THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Roman Fedoseev

*associate Professor, Department of State and legal disciplines,
Middle-Volga (Saransk) branch The Russian Law Academy of the Ministry
of Justice; Mordovian humanitarian institute,
Russia, Saransk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные виды хозяйственной деятельности дворян Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX вв. Анализируются главные структурные элементы в хозяйствах поместных дворян и основные выращиваемые культуры в них. Отмечается рыночная ориентация большинства крупных имений.

ABSTRACT

In article main types of economic activity of noblemen of Central Volga area in the second half of XIX — the beginning of the XX centuries are considered. The main structural elements in farms of local noblemen and the main grown-up cultures in them are analyzed. Market orientation of the majority of large manors is noted.

Ключевые слова: Дворянское хозяйство; имение; возделываемые культуры; посевы; сырье; поместье.

Keywords: Noble economy; manor; the cultivated cultures; crops; raw materials; estate.

Во второй половине XIX в. для большинства дворянских хозяйств Среднего Поволжья была характерна направленность на увеличение зернового производства и связанных с ним отраслей. В связи с этим, постоянно происходило расширение пахотных угодий за счет лесов, сенокосов и приусадебных земель, что отмечено большинством исследователей [1—3; 7—9; 22—26].

Наиболее распространенными возделываемыми культурами в поместьях дворян Среднего Поволжья в данный период являлись озимая рожь и овес. Данные культуры были наиболее распространены в Казанской, Пензенской, Симбирской губерниях, а так же на севере Самарской — Бугульминском, Ставропольском и северных частях Самарского и Бугурусланского уездов. Посевы яровой пшеницы и ячменя там были незначительны. В то же время, юг Самарского и Бугурусланского, Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды были практически полностью заняты посевами яровой пшеницы [7, с. 84—85]. Такая разница между северной и южной частями губернии объясняется тем, что «в северной части губернии довольно значителен черноземный слой, который к югу становится меньше и замещается супеском и суглинком». Поэтому, как отмечает самарский губернатор, «в северной части преобладают посевы ржи, а в южной почти исключительно сеется пшеница» [21, л. 4 об.].

В заметных объемах так же выращивались просо, конопля, лен, гречиха, горох и чечевица, чаще всего для собственного потребления.

Во второй половине XIX в. в регионе происходило постоянное увеличение посевов картофеля, наибольшее распространение данная культура получила в хозяйствах дворян Пензенской и Симбирской губерний. Важное значение при этом имело рост винокуренного производства, основным сырьем для которого и служил картофель, поэтому нахождение имения неподалеку от подобного завода, служила основанием для введения в структуру посевных площадей данной технической культуры. Так, близость имения потомственного дворянина А.Н. Селиванова при с. Борисовка Пензенского уезда одноименной губернии к Оленевскому винокуренному заводу давала владельцу возможность ежегодного сбыта картофеля на сумму 1 600 руб. [4, л. 1].

Очевидно, и внутри губерний Среднего Поволжья существовали значительные различия, обуславливаемые климато-географическими факторами, спецификой промышленного развития, специализацией сельского хозяйства, близостью или удаленностью от торговых центров и путей сообщения и прочими условиями. Например, в отчете губернатора Казанской губернии за 1864 г. сказано: «по свойствам почвы и климатическим условиям в губернии более всего разводятся: рожь, овес, греча, картофель и в небольшом количестве простая пшеница... в местностях же лесистых, а именно в уездах Царевококшайском, Козьмодемьянском, Чебоксарском и Ядринском, частью в Лаишевском и Цивильском, помимо хлебопашества развит лесной промысел и пчеловодство, в местностях прилегающих к судоходным рекам (Волге и Каме), в уездах Козьмодемьянском, Чебоксарском, Тетюшском, Лаишевском и Свияжском развиты промыслы судовой и рыболовной, в местностях, где почва не совсем производительна, или же где ощущается недостаток в земельных угодиях, в уездах Свияжском, Тетюшском и Чистопольском — развито садоводство» [20, лл. 6 об.—7, 10 об.]. Но все же наиболее ярким примером, в данном случае, выступает Самарская губерния. Как отмечал самарский губернатор в своем отчете за 1869 г. «в северной половине губернии преобладают посевы ржи, затем много сеют овса и гречи. В некоторых ближайших к Волге местностях Ставропольского уезда значительную часть яровой пашни отводят под горох, сбываемый оттуда в Симбирск и Кострому. В некоторых волостях Самарского уезда сеют много проса сбываемого в Сызрань. Пшеницы сеют в северной части очень мало, а во многих местностях даже вовсе не сеют ее. В южной менее черноземной и более глинисто-песчаной части губернии, где более твердая почва требует более продолжительного отдыха и где, поэтому существует переложная система, преимущественно, а во многих местах исключительно сеют пшеницу белотурку, кроме нее сеют просо и ячмень» [21, л. 14, 15—15 об.].

Во многих хозяйствах продажа хлебов составляла значительную часть дохода поместных дворян, их участие в производстве и продаже зерновых культур было весьма разнообразным, многие помещики умело пользовались изменениями конъюнктуры рынка, где-то расширяя производства хлеба, где-то сокращая, переводя хозяйство на растениеводство и другие отрасли.

Чаще всего в дворянских имениях засеивалось сразу несколько видов зерновых культур в различных пропорциях. Например, в Казанской губернии в Спасском уезде в экономии А.А. Демидова

в озимом поле засеивалось 20 дес. пшеницы и 79 дес. ржи, а в яровом 100 дес. Овса [13, л. 133]. В Лаишевском уезде в хозяйстве А.А. Сахарова озимое поле размером в 388 дес. полностью засеивалось рожью, а в яровом 244 дес. занимали посеивы овса и 144 дес. гречи, в имении так же выращивались полба, ячмень, горох, просо, картофель, но только в том количестве, которое необходимо для домашнего употребления и на специально отведенном месте [12, л. 10].

К тому же рыночная конъюнктура не всегда благоволила помещному дворянству. Так, если в первые два десятилетия после реформы производить товарный хлеб было выгодно, то уже с начала 1880-х гг. и до середины 1890-х продолжалось падение мировых хлебных цен и производить хлеб стало невыгодно [6, с. 421]. Помещики выживали за счет большего объема сдачи земли в аренду, по необходимости сокращая запашку или вовсе ее прекращая. И только во второй половине 1890-х гг. изменения на международном рынке хлебов поставили Россию в более благоприятное положение. Средняя цена пуда вывезенного за границу хлеба начала увеличиваться с 69,4 коп. в 1895—1899 гг. до 76,6 коп. в 1900—1904 гг. и до 88,9 коп. в 1905—1909 гг. [27, с. 420]. Сначала такое положение дел благоприятно отразилось на крупном дворянском землевладении и земледелии, а затем распространилось на остальные хозяйства. Благодаря этому с начала XX в. отчетливо появилась у помещиков тенденция к расширению собственных запашек.

В некоторых хозяйствах специальной отраслью производства было выращивание семян различных культур на продажу. Их продукцией, прежде всего, пользовались другие дворяне-земледельцы, что, в свою очередь, обеспечивало повышение урожайности в хозяйствах. Культурными, в производстве которых были получены успехи, являлись рожь, овес, просо. Так, в имении княгини Е.А. Салтыковой-Головкиной при с. Долгоруково Нижнеломовского уезда Пензенской губернии имелось опытное семенное поле [16, с. 498]. В усадьбе П.В. Головни «Липейка» Инсарского уезда Пензенской губернии разводились «высокие сорта овсов» (шведского, амурского, австралийского, новозеландского). Имение при с. Большие Верхи В.Л. Нарышкина в том же уезде в конце XIX в. специализировалось на выращивании семян хлебов на продажу [6, с. 420—421]. Семенное хозяйство имелось и в имении Г. Костромитинова в деревне Коробцовка Бузулукского уезда Самарской губернии [17, с. 436].

Многие дворянские хозяйства, в первую очередь находившиеся возле городов, торговых сел, железнодорожных станций либо речных портов, специализировались на разведении фруктовых деревьев,

главным образом, яблоневых садов, остальные плодовые деревья, вишни, груши, сливы, встречались гораздо реже. Например, в Казанской губернии огромный фруктовый сад, состоявшийся преимущественно из яблоневых деревьев имелся в усадьбе князей Гагариных при с. Теньки Свияжского уезда [17, с. 358]. В Симбирской губернии у князя С.М. Баратаева имелся сад с 2 000 деревьев [17, с. 398]. В Пензенской губернии огромные фруктовые сады (по 15 дес. каждый) принадлежали усадьбе «Андреевка» Е.Н. Бибикова и «Гарбелевской» экономии графини Л.В. Комаровской [6, с. 422]. Плодовый сад на 8 дес. имелся в имении М.И. Остен-Сакен при с. Арчада-Казанская Нижнеломовского уезда. Фруктовые сады имелись так же в экономиях А.Н. Селиванова и графов Уваровых [16, с. 501, 506—507]. В многоотраслевом хозяйстве А.П. Языкова 6 дес. отводилось под фруктовые деревья [4, л. 10]. В имении В.Г. Лысова в фруктовом саду выращивался терн и имелся вишеник на 5 дес. Земли [4, л. 17]. В связи с этим Пензенский губернатор в 1903 г. отмечал: «...промышленных садов в губернии почти нет, ибо хотя крупные сады и находятся во многих владельческих усадьбах, но вследствие климатических условий (из-за поздних весенних заморозков урожай нередко гибнул), они редко приносят особую доходность» [15, с. 10]. И хотя фруктовые сады встречались почти в каждом белее или менее крупном помещицком имении, они редко носили экономическую направленность. Зачастую устроенные с большим вкусом, стоившие больших забот своим хозяевам и долгих лет попечения в пореформенный период они по большей части уничтожались, как не приносящие дохода владельцам [11, с. 431].

Практически в каждом имении можно было встретить огородные культуры, но хозяйства, которые занимались бы этим специализированно, встречались реже, если разведение огородных культур не было целью работы небольших перерабатывающих предприятий. Развит данный вид деятельности был в близлежащих к крупным городам местностях, рядом с пристанями и станциями, что облегчало сбыт. При этом отмечалось, что «даже в местах, где наиболее распространено огородничество, оно не составляет главного промысла жителей, а служит только подспорьем [10, с. 286]. Наиболее распространенными овощными культурами в данный период были капуста, лук, чеснок, редька и огурцы. Посадки картофеля осуществлялись для спиртовых заводов, свеклы — для производства сахара. В имении «Урей» князя Н.И. Девлет-Кильдеева в Краснослободском уезде, перешедшее затем к М.И. Барышникову, специализировались на огородничестве, в частности, на выращивании

семян муромских, вязниковских, павловских огурцов, сабуровской и сорта «греча» капусты, а так же на разведении ягодных кустарников. Большие территории, занятые сахарной свеклой, были в имениях князя А. Долгорукова и наследников Л.Е. Кенига, где овощи разводились для приготовления корма скоту и для производства сахара [6, с. 422].

Довольно значительное распространение в имениях дворян получило пчеловодство, возникшее на основе широко распространенного бортничества, т. е. сбора меда и воска диких пчел. Пасеки обычно устанавливались в лесу, в долине закрытой от ветров, либо в овраге, у помещиков нередко в садах. У многих поместных дворян имелись пчельники для сбора меда. Так, в Пензенской губернии в имении Н.Н. Ермолаева «Елань» Пензенского уезда находился пчельник на 70 ульев. В имении княгини Е.А. Салтыковой-Головкиной при с. Долгоруково имелось 150 ульев. Пчеловодством так же занимались в имении графини Н.В. Толстой «Голицино» [16, с. 498, 506]. В Симбирской губернии наиболее известно было пчеловодство в хозяйстве титулярного советника К.Ф. Рудольфа в с. Васильевка, пчельник здесь был выдающимся разнообразием ульев различных систем и образцовой системой разведения пчел [11, с. 489].

В Пензенской губернии в 1903 г. даже было создано общество Артельного пчельника, ведущую роль в котором играли помещики. На момент открытия общества в нем состояло 160 членов [5, л. 2]. Тем не менее к моменту открытия общества пчеловодство в губернии находилось уже в кризисном состоянии, как отмечалось в отчете пензенского губернатора за 1902 г. «...благодаря вырубке лесов и обращению лугов под пашни, а так же почти полному отсутствию посевов гречихи, пчеловодство в Пензенской губернии с каждым годом приходит все более и более в упадок» [15, с. 9].

В части дворянских хозяйств Среднего Поволжья довольно выгодным промыслом являлось рыболовство, развитию которого способствовало множество рек и озер, разбросанных по речным долинам. Наиболее распространено и выгодно данное занятие было на реках Волга, Сура и Кама, которые разделены на множество участков, на которых право ловли принадлежит владельцам земель, прилегающих к берегу. Наибольшее число участков было у удела и городов, но на самарской луке часто встречались участки частных владельцев, самые выгодные из которых находились возле городов Симбирска и Самары, где имелся постоянный сбыт рыбы. Например, в Казанской губернии рыболовное хозяйство было налажено в имении А.А. Сахарова, лов рыбы производился на озере «Белое», которое находилось в 2 верстах от реки Кама и получало рыбу ежегодным

ее разливом, годовой доход исчислялся в 1 500 руб. [12, л. 12 об.]. Рыболовство, приносящие ежегодной прибыли в 500 руб. имелись и в хозяйстве А.А. Демидова [13, л. 134]. Гвардии полковнику И.В. Лихачеву в Мамадышском уезде рыболовство приносило доход в 250 руб. [14, лл. 203—204].

Таким образом, наиболее распространенным видом хозяйственной деятельности в имениях дворян Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX вв. являлось выращивание различных в основном зерновых культур на продажу. На большей части территории региона наиболее распространены были озимая рожь и овес, и только в южных уездах Самарской губернии массово засеивалась яровая пшеница. Выращивание таких сельскохозяйственных культур как просо, конопля, лен, гречиха, горох и чечевица, было незначительно по объемам и чаще всего производилось для собственного потребления. При этом во второй половине XIX в. в регионе происходило постоянное увеличение посевов картофеля, что было связано в первую очередь с потребностями винокурения. Дополнением к полеводству служили садоводство и огородничество, данные направления хозяйственной деятельности присутствовали практически во всех имениях, но редко носили товарную направленность. Такие промыслы как пчеловодство и рыболовство были довольно выгодны, но малозначительны в общем объеме сельскохозяйственного производства дворянских хозяйств.

Список литературы:

1. Арсентьев В.М. От protoиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004.
2. Арсентьев Н.М. Замосковский горный округ: заводовладельцы и рабочие: моногр. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 1998.
3. Богатырев Э.Д. Для умножения казны государевой. Казенная поташная промышленность России в конце XVII — третьей четверти XVIII в. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2005.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1641а.
5. ГАПО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2.
6. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.: Исторические очерки. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
7. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900—1917). Саратов: изд. Саратовского ун-та, 1982.

8. Марискин О.И. Земские сборы с торгово-промышленного предпринимательства России во второй половине XIX — начале XX века (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история. — 2013. — № 1 (20). — С. 22—27.
9. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX в.: (по материалам Сред. Поволжья). Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2005.
10. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния. СПб.: Военная типография, 1861.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. I. СПб.: Военная типография, 1868.
12. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 259. Оп. 1. Д. 35.
13. НА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 87.
14. НА РТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 676.
15. Обзор Пензенской губернии за 1902 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Пензенского Губернатора. Пенза: тип. губернского правления, 1903.
16. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб.: изд-во А.Ф. Дервиена, 1902.
17. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 6. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. СПб.: изд-во А.Ф. Дервиена, 1901.
18. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. Д. 6.
19. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 10.
20. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 33.
21. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 69.
22. Федосеев Р.В. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века (от поместья к экономии): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.
23. Федосеев Р.В. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века (от поместья к экономии): дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.
24. Федосеев Р.В. От поместья к экономии. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Саранск : 2013.
25. Федосеев Р.В. Процессы мобилизации землевладения в среде поместного дворянства Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Экономическая история. — 2012. — № 4 (19). — С. 6—13.
26. Федосеев Р.В. Хозяйственная деятельность провинциального дворянства во второй половине XIX — начале XX века: по материалам Пензенской губернии // Экономическая история. — 2010. — № 3 (10). — С. 50—56.
27. Финн-Енатаевский А. Современное хозяйство России (1890—1910 гг.). СПб. : изд. М.И. Семенова, 1911.

**ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО КАК ИСТОЧНИК
ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ БЮРОКРАТИИ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Шестаков Максим Валерьевич

*канд. ист. наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Тамбовский филиал РАНХиГС,
РФ, г. Тамбов
E-mail: shestakov-mv@yandex.ru*

**PROVINCIAL NOBILITY AS A SOURCE
OF FORMATION OF THE LOCAL BUREAUCRACY
IN THE XVIII — FIRST HALF XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF TAMBOV PROVINCE)**

Maxim Shestakov

*candidate of Historical Sciences, associate Professor,
Russian Academy of national economy and public administration
under the President of the Russian Federation,
Tambov branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Tambov*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу процесса формирования местной бюрократии в Тамбовской губернии в XVIII — первой половине XIX века. В центре исследования — чиновники и канцелярские служащие, состоявшие на государственной службе в различных структурах губернского и уездного управлений Тамбовской губернии. Основная их часть была представлена дворянами, которые в большинстве являлись отставными военными, пожалованными за службу высокими чинами.

ABSTRACT

The article analyzes the process of formation of local bureaucracy in Tambov province in the XVIII — first half XIX century. In the center of the investigation officials and clerks, consisting in public service in various structures of provincial and district offices of the Tambov province.

The main part of them was presented by the nobles, most were retired military, granted for service to the high ranks.

Ключевые слова: чиновничество; провинциальное дворянство; мелкопоместное дворянство; среднепоместное дворянство; крупнопоместное дворянство; государственная служба; гражданская служба; военная служба; классы и чины «Табели о рангах»; губернское управление; уездное управление.

Keywords: officials; provincial nobility; the landed gentry; srednevoztstnoe nobility; krupnoformatnoy nobility; civil service; civil service; military service; classes and ranks of the «Table of ranks»; provincial administration; district administration.

Всестороннее изучение чиновничества, как особой социальной группы является одной из актуальных проблем современной отечественной историографии. Актуальность данной проблемы обусловлена несколькими факторами, главным из которых является фактор не разработанности проблем учреждения, формирования и функционирования различных структур губернского и уездного управлений.

В этой связи, постановка, а также решение проблем, связанных с учреждением, формированием и функционированием различных структур губернского и уездного управлений, имеют большое значение. Отдаленность различных структур губернского и уездного управлений от центральной власти и особенности прохождения государственной службы в губерниях порождали существенные изменения социальных характеристик чиновничьего корпуса Российской империи. Именно поэтому необходимость изучения процесса формирования местной бюрократии в XVIII — первой половине XIX в., а также всестороннего изучения региональной специфики чиновничьего корпуса представляется вполне актуальной.

Формирование чиновничьего сословия началось в Тамбовском крае в период строительства городов-крепостей. Первые профессиональные чиновники в городах Козлове и Тамбове состояли на службе в воеводских избах в качестве подьячих. В отличие от воевод, которые назначались центром в города на срок 2—3 года, подьячие несли государственную службу пожизненно. Их набирали из числа грамотных людей, умеющих грамотно читать и писать. В основной своей массе это были мелкие служилые люди и жители посадов.

На протяжении второй половине XVII в. подьячие постепенно превратились в небольшую устойчивую корпорацию, близкую

по статусу к феодалам «по прибору». Они стали иметь земельные наделы, поместья и получали достаточно приличное по меркам того времени жалование. Например, в городе Козлове в 1685 г. таких людей насчитывалось 22 человека, а в городе Тамбове в 1678 г. — 4 человека [1]. Более того, достаточно интересен и тот факт, что в середине 70-х гг. XVII в. тамбовские подьячие Т.Г. Хлебников и Ф.Е. Алтухов имели в пригородном селе Перикса небольшие поместья и 6 дворовых людей.

Областные реформы императора Петра I привели к появлению в городах значительного количества, как чиновников, так и канцелярских служащих, которые и составили чиновничий аппарат. Появились как называемые уездные и провинциальные канцелярии со штатом секретарей и канцеляристов. Например, в 1714 г. в городе Тамбове таких канцелярий насчитывалось 17 дворов, в которых состояли «начальные люди» из числа местных чиновников. В них проживало 50 человек, из которых от 20—50 лет было 11 человек, свыше 50 лет — 6 человек, детей до 15 лет — 31 человек, от 15—20 лет — 2 человека. Более того, по сравнению с предшествующей переписью 1710 г. их количество сократилось на 4 двора, а количество проживающих в них людей на 13 человек: 4 умерло, а 9 человек переселились в другие города [5]. Что касается города Козлова, то здесь в 1738 г. в уездной канцелярии состояло 8 канцеляристов, 3 подканцеляристов и 9 копиистов [6].

Большинство чиновников и канцелярских служащих набирались из числа бывших подьячих и членов их семей, которые постоянно проживали в данных городах, получая за службу денежное жалование. Представители дворянского сословия не стремились на гражданскую службу, так как она не считалась «благородной», ее называли «подьяческой», в ней всегда было много представителей других сословий и ею принято было гнушаться. Ее престиж оставался весьма невелик. Дворяне занимали в основной своей массе главные должности провинциальных и уездных воевод. Например, в городах Тамбове и Козлове сложились специальные слободы с подьяческими дворами.

Областные реформы императрицы Екатерины II, в отличие от областных реформ императора Петра I, привели к значительному увеличению числа, как чиновников, так и канцелярских служащих. Стабильное и достаточно высокое по тем временам жалованье делали эти должности привлекательными для представителей мелкопоместного и определенной части среднепоместного дворянства. В связи с этим многие должности чиновников и канцелярских служащих были заняты представителями дворянского сословия.

Например, по данным экономических примечаний конца XVIII в. в городе Козлове насчитывалось чиновников и канцелярских служащих с членами их семей 129 человек, или 0,9 % от общей численности населения города. Помимо этого присутствовало 374 (2,5 %) человека из дворянских семей, главы которых занимали различные должности в различных структурах городского управления [7]. В городе Тамбове упоминались лишь две категории местного чиновничества. Во-первых, приказные служащие, которых насчитывалось 271 человек мужского пола (далее м.п.), что составляло 3,5 % от общей численности горожан. И, во-вторых, 219 человек м.п. — членов семей чиновников, что составляло 2,8 % от общей численности горожан. Дворяне, а именно, штаб- и обер-офицеры, выделялись в специальную группу численность, которой составляла 37 человек (0,5 %) [8].

В 1788 г. в Тамбовской губернии во всех городах насчитывалось 382 штатные должности чиновников и канцелярских служащих [4]. Из них 270 должностей (70,6 %) были заняты представителями дворянского сословия, главным образом потомственными и частично личными дворянами. Преобладание потомственных над личными дворянами свидетельствует и о том, что на территории Тамбовской губернии еще в XV—XVI вв. проживало достаточно много потомков мелких «служилых людей по отечеству» [15, с. 36]. Более того, личные дворяне были слабо связаны с губернским дворянским обществом, хотя по закону считались ее членами [16, с. 170]. Таким образом, уже в конце 80-х гг. XVIII в. большинство штатных должностей чиновников и канцелярских служащих составляли чиновники-дворяне.

Из 270 чиновников-дворян 191 (70,7 %) человек имел классные чины гражданского ведомства, 79 (29,3 %) человек — военные чины, т. е. являлись отставными офицерами, по каким-либо причинам решившими покинуть военную службу и продолжить государственную службу на гражданской службе. Абсолютное большинство (66,8 %) чиновников-дворян служили в чинах X—XIV классов «Табели о рангах» и относились к мелкопоместным дворянам (64,8 %). Они состояли на гражданской службе в должностях секретарей, регистраторов, протоколистов, канцеляристов, подканцеляристов разных структур губернского и уездного управлений. Для них гражданская служба и чиновничье жалованье являлись основными источниками доходов. Более того, их дальнейшее продвижение по служебной лестнице зависело от ряда причин. Во-первых, от уровня их образования, которое в большинстве было домашним (с помощью домашних учителей, гувернеров и гувернанток). Во-вторых,

от их материального положения. И, наконец, в-третьих, от высокопоставленных родственников, которые осуществляли некоторого рода протекцию для представителей своего дворянского рода.

Чиновничьи должности, соответствовавшие V—IX классам «Табели о рангах» были представлены вице-губернатором, советниками губернского правления, директором экономии и губернским казначеем, председателями верхнего земского и совестного судов, губернского магистрата, председателем верхней расправы, ассессорами казенной палаты, председателем, советниками и ассессорами уголовной и гражданской палат. Все эти должности в основной своей массе были заняты представителями дворянского сословия, в частности мелкопоместными дворянами. Они были отмечены на государственной службе, в большинстве случаев достаточно высокими чинами. Реже эти должности занимали среднепоместные дворяне и на единичных должностях в различных структурах губернского и уездного управлений Тамбовской губернии служили крупнопометные дворяне.

В основном эту группу должностей составляли отставные штаб- и обер-офицеры, по каким-либо причинам оставившие военную службу, чины которой давали быстрое продвижение по службе, что способствовало быстрой карьере на должностях гражданской службы. Это прибавляло им авторитета в провинциальном дворянском обществе.

Как мы видим, в 1788 г. в Тамбовской губернии значительную часть чиновников и канцелярских служащих различных структур губернского и уездного управлений составляли отставные штаб- и обер-офицеры. Хотя правительство в течение всей второй половины XVIII в. всячески запрещало гражданским чиновникам и канцелярским служащим именоваться военными чинами, однако притягательность военных чинов была столь велика, что даже при императоре Николае I штаб- и обер-офицеры, перешедшие на гражданскую службу, продолжали именоваться своими прежними чинами.

Например, в 1788 г. в Тамбовской губернии из 270 чиновников-дворян 79 человек были представлены штаб- и обер-офицерскими чинами X—XIV классов «Табели о рангах». Две трети из них были мелкопоместными дворянами. Чиновники, которые находились в штаб- и обер-офицерских чинах состояли на службе в полиции, уездными судьями, заседателями уездных судов, нижних земских судов, городских магистратов и нижних расправ, а также винными и соляными приставами.

Основная часть чиновников, имевших штаб- и обер-офицерские чины VI—IX классов «Табели о рангах», относились к мелкопо-

местным, реже к среднепоместным дворянам, единицы были представлены крупнопоместными дворянами. Это были должности стряпчих в структурах губернского прокурора, заседателей совестного суда, верхнего земского суда, губернского магистрата и верхней расправы, а также заседателей уездных судов и исправников нижних земских судов.

Более того, в 1788 г. в Тамбовской губернии из 382 штатных единиц губернского и уездного управлений 112 единиц (29,3 %) были заняты чиновниками недворянского происхождения. Они занимали низшие должности канцелярских служащих — секретарей, протоколистов, канцеляристов и подканцеляристов. Основная их часть вышла из недр подьячих XVII — начала XVIII в., или посадских людей.

Эти должности не соответствовали дворянскому достоинству и не привлекали представителей дворянского сословия. Некоторая часть среднепоместных и основная часть крупнопоместных дворян была занята делами своих обширнейших имений, которые приносили доход во много раз выше, чем гражданская служба.

Основная часть мелкопоместных дворян не имела возможности получить хорошее образование, а в связи с этим и не могла претендовать на поступление на должности канцелярских служащих. Военная служба для основной части представителей дворянского сословия оставалась более престижным видом службы и давала гораздо больше возможностей для быстрого продвижения по служебной лестнице.

В уездах Тамбовской губернии ситуация оставалась более прозрачной: представители дворянского сословия составляли большинство (67,9 %) уездного чиновничества и занимали главные должности в различных структурах уездного управления. Несмотря на то, что многие из них были мелкопоместными дворянами, они имели достаточно большой авторитет в уездном дворянском обществе, так как были отмечены высокими чинами на военной службе.

В начале XIX в. интерес провинциального дворянства в отношении гражданской службе значительно вырос. Этому способствовали, как тяготы военной службы в царствование императора Павла I, так и создание с принятием в 1785 г. «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» службы по выборам, близкой по характеру к гражданской службе.

Данный интерес провинциального дворянства к гражданской службе позволил правительству императора Александра I занять и более жесткую позицию в вопросе формирования среднего

и высшего звеньев чиновничьего корпуса различных структур губернского и уездного управлений.

Например, Указ 1807 г. запрещал причислять дворян к присутственным местам без действительной службы [9, с. 39]. Более того, следующий за этим указ 1809 г. «О правилах производства в чины и экзаменах для производства в коллежские асессоры и статские советники» связал получение чинов VIII и V классов «Табели о рангах» с наличием университетского образования [10, с. 39]. Нам представляется, что принятие этого указа, помимо обеспечения подготовленными и образованными чиновниками различных структур губернского и уездного управлений, преследовало и более общие задачи. В силу того, что в первой четверти XIX в. высшее и среднее образование было преимущественно дворянским, указ 1809 г. являлся преградой на пути лиц недворянского происхождения, составлявших низшее звено чиновничества, попасть в среднее звено чиновничества, а также в дворянство.

Пожалуй, наиболее серьезные изменения в организации гражданской службы и формирования чиновничества произошли в царствование императора Николая I. В 1827 г. правительством были собраны все наиболее важные и необходимые сведения о численности и составе чиновников и канцелярских служащих из податного состояния, состоявших на гражданской службе в различных структурах губернского и уездного управлений. Эти сведения послужили основой при подготовке и принятия Указа 1827 г. [12, с. 158]. Именно принятие этого законодательного акта положило начало новому направлению политики правительства в области формирования чиновничества, для которого были характерны отказ от сословности и резкое сужение социальной базы.

С принятием Указа 1827 г. были связаны преимущества по гражданской службе с сословной принадлежностью чиновников и канцелярских служащих, которые в зависимости от происхождения стали подразделяться на 4 разряда. В первый разряд вошли потомственные дворяне. Ко второму разряду стали относиться дети личных дворян, купцов I гильдии, священников и дьяконов. В третий разряд были включены дети канцелярских служащих, ученых и художников, не имевших классов. Последний четвертый разряд составили купцы II и III гильдий, иностранцы и лица из податных сословий.

После принятия данного указа в стране запрещалось принимать на гражданскую службу лиц, которые соответствовали XIV классу «Табели о рангах», т. е. включенных в 4-й разряд [3, с. 104].

Исключение было сделано для выпускников университетов и других учебных заведений, награжденных чинами. Таким образом, Указ 1827 г. основным источником формирования низшего звена чиновничества сделал канцелярскую среду, которая к этому времени была уже достаточно многочисленной. В решении этого вопроса правительству императора Николая I удалось сделать и то, что не смогло сделать правительство императрицы Екатерины II, а именно создать сеть учебных заведений, способствовавших более широкому распространению образования среди разных слоев населения.

Важным шагом правительства императора Николая I в области организации гражданской службы и формирования чиновничества стало принятие Указа 1834 г. «О порядке производства в чины по гражданской службе» [11, с. 42]. Этот указ сроки получения чинов ставил в прямую зависимость от образовательного уровня лиц желающих поступить на гражданскую службу, разделив всех гражданских чиновников и канцелярских служащих на три образовательных разряда. В первый разряд вошли лица окончившие курс наук в высших учебных заведениях страны. Во второй разряд попали лица окончившие курс наук в средних учебных заведениях. И к третьему разряду стали относиться лица «не имеющие аттестатов ни тех, ни других из означенных учебных заведений» [13, с. 159]. При этом в указе подчеркивалось, что по всем ведомствам гражданской службы чиновники и канцелярские служащие поступают на службу «не иначе, как сообразно чину каждого» [14, с. 159].

В 1855 г. в Тамбовской губернии по гражданскому ведомству состояло 431 штатная должность чиновников и канцелярских служащих [1]. Из них 312 (72,3 %) были заняты представителями дворянского сословия. То есть по сравнению с 1788 г. процентное соотношение дворян и представителей других сословий в различных структурах губернского и уездного управлений фактически оставалось на том же уровне.

Из 312 должностей различных структур губернского и уездного управлений занятыми дворянами на 258 (82,7 %) должностях находились дворяне, имевшие классные чины гражданского ведомства, а на 52 (16,7 %) должностях служили отставные штаб- и обер-офицеры. Интересен для нас и тот факт, что в 1788 г. в Тамбовской губернии 2 чиновника не имели классного чина, но состояли в VIII—IX классах «Табели о рангах».

Всего 203 (84,2 %) дворянина имели чины X—XIII классов «Табели о рангах», т.е. занимали должности старших и младших чиновников по особым поручениям при губернаторе, секретарей,

регистраторов, архивариусов и делопроизводителей канцелярии губернатора, губернского правления, казенной палаты, палаты государственных имуществ, палат уголовного и гражданского судов и совестного суда. Разорение, а так же обнищание подавляющей части мелкопоместных и определенной части среднепоместных дворян, наметившееся в 30—40-х гг. XIX в., способствовало поступлению дворян на гражданскую службу. Жалованье, получаемое ими на гражданской службе, становилось для многих из них основным источником доходов.

Абсолютное большинство всех штатных должностей различных структур губернского управления были заняты представителями дворянского сословия. Лицами недворянского происхождения были заняты только 10 должностей. Это были должности в канцелярии тамбовского губернатора, губернском правлении и палатах государственных имуществ, уголовного и гражданского судов.

Интерес представителей дворянского сословия к поступлению на гражданскую службу объяснялся возможностью поправить свое материальное положение. Более того, даже самые низшие должности в различных структурах губернского и уездного управлений открывали перед дворянами дорогу для дальнейшего продвижения по служебной лестнице, а в связи с этим могли способствовать приобретению некоторого авторитета в губернском дворянском обществе.

В 1855 г. в Тамбовской губернии из 312 дворян 52 человека (16,7 %) имели штаб- и обер-офицерские чины X—XIV классов «Табели о рангах». Главным образом, они служили в полиции, городничими, уездными судьями, заседателями и исправниками уездных и земских судов. Отставные штаб- и обер-офицеры, имевшие чины VI—IX классов «Табели о рангах» находились на должностях председателя и заседателя палаты гражданского суда, судей совестного и уездных судов, а также городничими и преподавателями в тамбовском кадетском корпусе.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в 1855 г. в Тамбовской губернии, в отличие от 1788 г., произошло и значительное увеличение классности чинов чиновничьего корпуса. Например, действительных статских советников в различных структурах губернского и уездного управлений в 1788 г. было 1 человек, в 1855 г. — 3 человека, статских советников в 1788 г. — 4 человека, в 1855 г. — 9 человек, коллежских советников в 1788 г. — 6 человек, в 1855 г. — 12 человек, надворных советников в 1788 г. — 15 человек, в 1855 г. — 21 человек, коллежских асессоров в 1788 г. — 28 человек, в 1855 г. — 78 человек, титулярных советников в 1788 г. — 9 человек, в 1855 г. —

46 человек, коллежских секретарей в 1788 г. — 37 человек, в 1855 г. — 89 человек.

Что касается различных структур уездного управления, то в 1855 г. в Тамбовской губернии по сравнению с 1788 г. произошли серьезные изменения. Количество штатных единиц чиновников и канцелярских служащих увеличилось. Однако только около 40 % всех должностей были заняты представителями дворянского сословия, т. е. большинство уездных чиновников и канцелярских служащих были недворянского происхождения. Дворяне, составляя меньшинство в различных структурах уездного управления, занимали главные должности, т. е. фактически управляли уездом.

Таким образом, первые профессиональные чиновники стали появляться в городах Тамбовского края, как служившие пожизненно на государственной службе в воеводских избах в качестве подьячих. Это были достаточно грамотные по тем временам люди из числа мелких служилых людей и жителей посада. На протяжении всей второй половине XVII в. подьячие постепенно стали превращаться в небольшую устойчивую корпорацию со своими земельными наделами, со своими поместьями и стали получать за государственную службу приличное жалование.

В дальнейшем областные реформы начала XVIII в. привели к некоторым изменениям в структуре губернского и уездного управлений, которые не могли не сказаться на формировании местной бюрократии. В городах стали появляться уездные и провинциальные канцелярии со штатом секретарей и канцеляристов, которые набирались на государственную службу из числа бывших подьячих.

Губернские реформы последней четверти XVIII в. проведенные после подавления восстания Емельяна Пугачева вызвали кардинальные изменения в системе губернского и уездного управления. Потомственные и личные дворяне, составлявшие менее 1 % населения Тамбовской губернии, стали занимать более 70 % штатных должностей чиновников и канцелярских служащих. По сути, дворяне полностью стали контролировать различные структуры губернского и уездного управлений.

На протяжении всей первой половины XIX в., процент дворян представленных в различных структурах губернского и уездного управлений, фактически оставался прежним. Разорение и обнищание подавляющей части мелкопоместных дворян и основной части среднепоместных дворян, наметившееся в 30—40-е гг. XIX в., способствовало поступлению дворян на гражданскую службу. Жалование,

получаемое ими на государственной службе, становилось для многих из них основным источником доходов.

Список литературы:

1. Адрес-календарь за 1855 г.: в 2-х ч. — СПб., 1855. Ч. I. С. 114, 132, 163, 200, 216, 282, Ч. II. с. 159—162.
2. Архив Санкт-Петербургского отделения института истории России. Ф. 2. Книга № 112. Л. 144—149; Российский государственный архив Древних актов (далее РГАДА). Книги приказного стола. № 29. Л. 16—179.
3. Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII—XX века [Текст] / Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин. — М., РГГУ, 2000. — 230 с.
4. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—73; Д. 16. Л. 1—101; Д. 17. Л. 1—101; Д. 18. Л. 1—44; Д. 19. Л. 1—59; Д. 20. Л. 1—42; Д. 21. Л. 1—36; Д. 22. Л. 1—158; Д. 23. Л. 1—47; Д. 24. Л. 1—32; Д. 25. Л. 1—42.
5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Книга № 404.
6. РГАДА. Ф. 286. Книга № 300. Л. 108—110.
7. РГАДА. Ф. 1355. Дело № 1597. Л. 1—13.
8. РГАДА. Ф. 1355. Дело № 1597. Л. 1—2.
9. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии [Текст] / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. — 1996. — № 4. — С. 29—44.
10. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии [Текст] / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. — 1996. — № 4. — С. 29—44.
11. Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии [Текст] / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. — 1996. — № 4. — С. 42.
12. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период [Текст] / В.А. Шаповалов. — Белгород, Изд-во: ООО Дизайн-центр. — 251 с.
13. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период [Текст] / В.А. Шаповалов. — Белгород, Изд-во: ООО Дизайн-центр. — 251 с.
14. Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период [Текст] / В.А. Шаповалов. — Белгород, Изд-во: ООО Дизайн-центр. — 251 с.

15. Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Тамбовской губернии) [Текст] / М.В. Шестаков. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Тамбов, 2006. — 365 с.
16. Шестаков М.В. Численность, состав, имущественное положение и конфессиональный состав тамбовского дворянства в последней четверти XVIII в. [Текст] / М.В. Шестаков // Шаг в будущее: научный и практический опыт развития, научные гипотезы, новизна и апробация результатов исследований в экономике, управлении проектами, педагогике, праве, истории, культурологии, искусствоведении, языкознании, природопользовании, растениеводстве, биологии, зоологии, химии, политологии, психологии, медицине, филологии, философии, социологии, математике, технике, физике, информатике, градостроительстве, 7—8 мая 2015 года, г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. — С. 169—171.

4.2. ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ

ПРОВЕРКА ОРФОГРАФИИ В ТЕКСТОВОМ РЕДАКТОРЕ WORD 2013: ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

Лавошникова Элина Константиновна

*литературный редактор журнала «Вычислительные методы
и программирование: Новые вычислительные технологии».*

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Научно-исследовательский вычислительный центр,*

РФ, г. Москва

E-mail: el.lavoshnikova@yandex.ru

SPELL CHECK IN WORD 2013: PROPER NAMES

Elina Lavoshnikova

*research Computing Center of the Lomonosov Moscow State University.
Copy Editor of the Journal "Numerical Methods and Programming: New
Computing Technologies" ("Vychislitel'nye Metody i Programirovanie"),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Обсуждаются причины пропуска спеллером Microsoft Word 2013 ошибок в написании имен, отчеств и фамилий, а также в других словах — в результате включения в системные словари некоторых фамилий.

ABSTRACT

Discusses the reasons for missing speller for Microsoft Word 2013 spelling mistakes of names, patronymics and surnames, as well as in other words — as a result of inclusion in the system dictionaries some names.

Ключевые слова: имена собственные; фамилии; компьютерная коррекция орфографии; проверка правописания; орфографические ошибки; автокорректор; спеллер; программа-подсказка; MS Word 2013.

Keywords: proper names; names; computer correction of spelling; spelling; spelling errors; spell; speller; program-tip; MS Word 2013.

Четвертое издание «Грамматического словаря» академика РАН Андрея Анатольевича Зализняка с обратным алфавитным порядком (последнее слово «несовершеннолетнЯЯ») дополнено приложением «Имена собственные» (более 8 тыс. словарных статей) [1, с. 731]. Однако версии текстового редактора MS Word разных лет, базирующегося **на первых изданиях** словаря Зализняка, еще до выхода 4-го издания (т. е. до 2003 года) уже содержали небольшие системные словари имен собственных.

Word'овский спеллер считает правильными написание Фёдор и Федор, Наталия и Наталья, Геннадьевич и Геннадиевич, Валерьевна и Валериевна. Однако не все чиновники, к сожалению, не признают варианты написания таких имен и отчеств тождественными, что доставляет много хлопот их обладателям.

К сожалению, не всегда слова с орфографическими ошибками и опечатками выявляются (подчеркиваются красной волнистой линией) спеллером текстового редактора Word'2013. О перегруженности Word'овских системных словарей низкочастотной лексикой, которая мешает поиску и исправлению ошибок, мы писали в работах [2; 4] и др. К примеру, в словосочетании «Даная статья...», начинающем фразу, допущена распространенная опечатка — пропуск буквы. Такая ошибка не будет замечена Вордом, поскольку в его системном словаре есть имя **Даная**. Не подчеркивается спеллером разбиение «**Влади мир**» или «**Влади слав**» с ошибочной вставкой пробела (очевидно, по причине присутствия в системном словаре фамилии-псевдонима актрисы Марины Влади, так как имя Владя подчеркивается). Имя собственное «Филипп» с одной буквой «п» (наверное, имелся в виду давно умерший киноактер Жерар Филипп) лучше удалить из системного словаря, иначе пропускается опечатка в имени Филипп.

Наряду с нормативной формой отчества «Никитич» текстовый редактор Word'2013 пропускает без замечаний и иногда встречающийся вариант «Никитович», который отсутствует в «Списке личных имен» академического «Русского орфографического словаря» (см. [5, с. 940]). Форма «Никитович» отсутствует и в главе «Дополнительные особенности» приложения к словарю Зализняка, где к имени *Никита* в качестве отчеств тоже даны только *Никитич* и *Никитична* (см. [1, с. 740]).

Для сокращенной просторечной формы *Васильч* подсказка выдает среди других вариантов «Васильки» и «Вас Ильич», но полного варианта отчества не может предложить, так как имеющаяся в системном словаре более официальная форма «Васильевич» длиннее

на «целых» две буквы и спеллер не находит ее после попыток всех буквенных замен. А уж тем более не находятся просторечные *Иваныч* или *Егорыч* (но *Палыч* не подчеркивается, так как входит в название фирмы). Подобные просторечные формы отчества выполняют функцию неофициальной идентификации немолодого, как правило, человека и часто употребляются без имени и фамилии или только с именем.

В «Списке личных имен» орфографического словаря [5, с. 936] даются следующие варианты отчеств: Вячеславович и Вячеславич, Вячеславовна и Вячеславна, Ярославовна и Ярославна (а также другие подобные пары от мужских имен, оканчивающихся на «слав»). Но спеллер-2013 подчеркивает красным «Вячеславич», «Вячеславна» и почему-то «Ярославовна», но не «Ярославна» (кстати, таким отчеством обозначена безымянная героиня «Слова о полку Игореве»). Для формы «Ярославовна» подсказка-2013 предлагает единственный вариант «исправления» – разбиение «Ярослав овна». В словаре Зализняка читаем [1, с. 739]: «<...> от данного имени отчества образуются по модели: *Вячеславич, Вячеславна*. Наряду с этим в официальных документах возможен также и не соответствующий реальному узусу искусственный вариант, построенный по общему правилу: *Вячеславович, Вячеславовна*».

В Word'овском системном словаре отсутствуют такие разговорные формы, как *Сергеевна, Тимофеевна, Патрикевна*. Но полная форма таких отчеств отличается всего одной буквой. Пропуск буквы — довольно вероятная опечатка, которую спеллер не выявит, если словарь текстового редактора будет содержать эти краткие формы. Включать их в словарь целесообразно только тогда, когда система научится проверять вхождение отчества в трехкомпонентные образования ФИО или ИОФ: {имя, отчество, фамилия}.

Может быть, системный словарь стоит дополнить некоторыми (не всеми) часто встречающимися в художественной прозе и просто в переписке вариантами отчеств? А в процессе компьютерной проверки текстов программа-подсказка могла бы выдавать сообщение, что данная форма — просторечная.

До «перестройки» Владимира Ильича Ленина нередко называли просто по отчеству «Ильич» (как и царей в свое время называли просто по имени, без фамилии и часто без отчества). При этом насаждалось исключение в склонении только его отчества, в отличие от других Ильичей. Требовалось писать «Ильичём» («Ильичем»). Но по правилам следует писать «ИльичОм», что и предлагается среди прочих вариантов подсказкой-2013. В последние двадцать с лишним

лет в СМИ под влиянием западной культуры отчества даже государственных деятелей и политиков не всегда упоминаются.

В XIX веке даже детей (дворянских) могли называть по имени-отчеству, а в наше время вполне взрослые люди, особенно женщины, стали представляться своими уменьшительными именами.

В некоторых из предыдущих версий Word'a уменьшительные имена *Катя*, *Маша*, *Юля*, *Коля*, *Боря* пропускались в текстах без подчеркиваний, так как спеллер считал их дееспричастиями от глаголов «катить», «махать», «юлить», «колоть», «бороть» (этот малоупотребительный глагол остается в системном словаре текстового редактора). Однако Word'2013 уже включил эти словоформы в свой системный словарь как имена собственные — это можно утверждать на том основании, что формы *Катей*, *Машей*, *Юлей* пропускаются без замечаний, в то время как «катей», «машей», «юлей» подчеркиваются красным как неопознанные. Однако без подчеркивания пропускаются словоформы «колей» (род. п. мн. ч. от существительного «колея»), «коле» (например, «о коле в дневнике»), «боре» (предложный падеж слова «бор»), «борей» (северный ветер).

В системном словаре Ворда-2013 года уже имеются не только уменьшительные, но даже звательные формы личных имен. Пример: «Люсь, я не упрям люсь!» — в этой фразе с разбиением последнего слова «упрямлюсь», что случается при нечаянной вставке пробела, спеллер подчеркивает красным только последнее «люсь». Еще пример: «Прош, Кеш, прошу, не тратьте кеш!». (Похожие примеры мы приводили в работе [2].) Во этой фразе вставлен пробел в слово «прошу», поэтому «прош» со строчной буквы подчеркивается красным — в отличие от звательных форм «Прош» и «Кеш». Но подчеркивается и форма «кеш» со строчной буквы — вопреки рекомендациям академических словарей (о случаях подобной рассогласованности мы писали в статье [3, с. 50]). Разработчики спеллера правильным считают «популярное» написание «кэш».

В Word'овском системном словаре содержатся имена Алексашка, Алекс, Саша, Саня, Санька, Шурочка, Шурик, Шурка, Сашура, Манька, Муся, Ньюша, Костик, Филя, даже Чук и Гек (герои повести Аркадия Гайдара). Этот список далеко не полон. Приведем пример с достаточно распространенной опечаткой — пропуском буквы: «**Шурки** соболя — ценный мех». Автокорректор-2013 эту фразу пропускает без замечаний — «благодаря» включению в системный словарь текстового редактора имени «Шурка». Можно привести еще примеры **пропуска опечаток** из-за включения в системный словарь

некоторых уменьшительных имен: «**Маши** на времени», «**Гек** тары», Луше (Лучше), Ксения (Ксения).

При проверке фрагментов «Александр всё глубже и глубже погружался в свои мечты о Надиньке...» (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»), «Ваничка» (рассказ Софы Андреевны Толстой), «Это я, Эдичка» (роман Эдуарда Лимонова) уменьшительные имена подчеркиваются красной линией. Подсказка-2013 для этих уменьшительных имен предлагает (среди других вариантов) написание по **современным** правилам русского языка — «Наденьке», «Ванечка», но вместо «Эдечка» выдает список: «Эдика, Удочка, Дичка, Уздечка, Утечка». Однако «писатель Веничка Ерофеев» пропускается без замечаний.

Имена собственные имеют свои особенности в склонении: «с князем Мышкиным», но «знакомимся с городом Мышкином» (текстовый редактор Word 2013 не знает такого города и подчеркивает эту форму), «под городом Пушкином». В настоящее время есть город Пушкин (до 1918 г. Царское Село, с 1918 по 1937 — Детское Село) и город Пушкино Московской области. В словаре Зализняка [1, с. 739] по поводу названий населенных пунктов на «ово», «ево» и «ино» читаем: «...очень часто встречается — как в устной речи, так и в печати — употребление данного слова как неизменяемого <...> Степень распространения этого явления так значительна, что, по-видимому, оно уже приближается к статусу допустимого варианта». То же самое можно сказать о фамилиях типа *Шевченко* (см. [1, с. 739]), которые в наше время уже перестают склоняться.

Из словаря Зализняка мы узнаем, что творительный падеж для русской фамилии *Чаплин* (в этимологических словарях дается происхождение от слова *цапля*) — «Чаплин**Ым**», но «Чарли Чапли**Ом**» (то же самое относится к фамилии *Берлин* — для соотечественника «ы», для иностранца «о»), а также что в творительном падеже должно быть «Игорем Северянин**Ом**», а не Северянин**ым** (неправильный вариант с прописной буквы и окончанием «ым») spellером-2013 тоже пропускается без подчеркивания, но мы должны вспомнить склонение нарицательного существительного «северянин», где «ым» отсутствует).

Имеются и другие особенности имен собственных. Можно говорить о *любви* гражданина *Переца* к девушке *Любови*. В приложении к словарю Зализняка даны следующие (сибирские?) фамилии: Седых, Кручёных и Черных [1, с. 779]. Указывается, что они не склоняются — причем не только женские, но и для мужского пола тоже (таково исключение из правила).

Не всем известно, что литературный псевдоним американского писателя О. Генри пишется через точку, а не через апостроф [1, с. 757]. Однако во внутреннем словаре имен собственных Word'овского автокорректора имеется словарная единица «ОГенри».

Рассмотрим пример специально придуманной фразы с пропуском буквы («й»): «Придется лопато копать». Здесь слово с опечаткой «лопато» подчеркивается красным как найденное. Но фразу «Лопато придется копать» Word'2013 пропускает без замечаний. Причина — присутствие в системном словаре фамилии Лопато (смотрим в Википедии: «Георгий Павлович Лопато был главным конструктором первой ЭВМ, разработанной в СКБ завода им. Г.К. Орджоникидзе»). Если какой-нибудь обладатель довольно распространенной фамилии *Заец* приобретет широкую известность в СМИ, то его фамилия, возможно, будет включена в системный список фамилий текстового редактора. И тогда написание «Заец» (что, между прочим, предлагалось некоторыми лингвистами для упрощения правил) — в начале фразы, в заголовке или в качестве имени персонажа какой-нибудь сказки — при компьютерной проверке текстов будет пропускаться без замечаний.

В реальности существует много фамилий с разнообразными ошибками, но они исправлению не подлежат, потому что «так написано в паспорте». Вот всего один пример реальной фамилии: Щастливый (такое написание прилагательного можно встретить в старинных текстах, но оно противоречит **современным** правилам). Подсказка-2013 после всех попыток замены букв выдает единственный вариант исправления этой фамилии: «Растлевай»!

Из всего вышеизложенного можно сделать, в частности, следующий вывод. Желательно, чтобы в системных словарях выявлялись низко-частотные имена и фамилии, которые могут **совпасть с искажениями в результате наиболее вероятных ошибок и опечаток** достаточно употребительных словоформ, набранных с прописной буквы. Такие «подводные камни», которые при пока еще слабо разработанном анализе автокорректором синтаксиса фраз препятствуют эффективному выявлению ошибок, можно либо убрать из системных словарей, либо снабжать особыми пометами — предупреждениями для пользователя.

Список литературы:

1. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. — М.: «Русские словари», 2003. — 800 с.

2. Лавошникова Э.К. Word 2013, Word 2003: Причины невыявления орфографических ошибок // В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2015. — № 50. — С. 86—90.
3. Лавошникова Э.К. Компьютерная коррекция орфографии и разночтения в словарях: Возможны варианты? // Филоlogos. — 2015. — № 24 (1). — С. 49—54.
4. Лавошникова Э.К. Word: Причины пропуска ошибок при компьютерной проверке правописания // Science Time. — 2015. — № 6. — С. 271—275.
5. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. — 960 с.

4.3. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ФОРМИРОВАНИЕ МИФИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ДРЕВНИХ КЫРГЫЗОВ

Орузбаева Гульнара Талгатовна

*канд. техн. наук, доцент Кыргызского Государственного
Технического Университета им. И. Раззакова,
Республика Кыргызстан, г. Бишкек
E-mail: gul_talg@mail.ru*

Саякбаев Желден

*канд. философ. наук, профессор Кыргызского Государственного
Технического Университета им. И. Раззакова,
Республика Кыргызстан, г. Бишкек*

FORMATION MYTHIC WORLD OUTLOOK OF THE ANCIENT KYRGYZ

Gulnara Oruzbaeva

*PhD (Engineering), Associate Professor
at Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov,
Kyrgyz Republic, Bishkek*

Jelden Sayakbayev

*PhD (Philosophical), Professor
at Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov,
Kyrgyz Republic, Bishkek*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — выяснение особенности формирования и развития мифического мировоззрения у древних кыргызов. У древних кыргызов, как и у любого другого народа мира, появились памятники духовной культуры, которые составили неотъемлемую часть самобытной этнической культуры. Как показывает история развития

человечества, невозможно создать свою культуру, не опираясь на прошлое наследие. В работе использованы такие памятники духовной культуры как эпос «Манас», наскальные изображения, петроглифы, которые выступают важнейшими источниками для реконструкции мифов предков кыргызов.

ABSTRACT

Purpose of the article is an elucidation of features of formation and development of the mythical world outlook of the ancient Kyrgyz. The ancient Kyrgyz people as any other nation of the world had a monument of the spiritual culture which forms an integral part of the distinctive ethnic culture. As shown history of mankind, it is impossible to create own culture without leaning on the past heritage. In the work is used such monuments of spiritual culture as the epic "Manas", rock paintings and petroglyphs, that are an important source for the reconstruction of myths of ancestors Kyrgyz.

Ключевые слова: мировоззрение; миф; эпос «Манас»; наскальные изображения; петроглифы, мировое дерево.

Keywords: world outlook; myth; epic "Manas"; rock paintings; petroglyphs, world tree.

Каждый народ создал свои мифы, предания и легенды. В них сказались «душа» народа, его помыслы, надежды и стремления, его представления о бытие, природе и самой жизни. Кыргызы тоже создали свои мифы, которые отражены в таких эпосах как «Манас», «Эр-Төштүк», «Жаныш-Байыш» и т. д. Особенно эпос «Манас» является важнейшим источником для реконструкции мифов предков кыргызов.

В древности переосмысление и художественная обработка первоначальных, расплывчатых и неясных образов мифов вели в своем развитии к возникновению искусства, которое было выражением идейных, эстетических и мифических основ мировоззрения древних племен.

Основными видами искусства древности являются наскальные изображения, петроглифы, писания, изображения на стенах, потолках пещер и на отдельных камнях. Рисунки на скалах — не только результат самовыражения древних художников, но и отражение духовных, в том числе мифических идей ушедших эпох [6, с. 4].

Особо следует отметить, что общие закономерности развития художественных изобразительных приемов первобытности едины для Запада и для Востока. Формирование мифа относится к эпохе палеолита, который существовал потом много тысячелетий как основа

героического эпоса и фольклора. Мы рассмотрим только некоторые формы мифа.

Можно предположить, что стержнем палеолитического мифа была идея мирового дерева с его трехчленным делением: небесный, земной и подземный мир, изображения которых символически переданы через человеческие и звериные персонажи. Например, небесный мир нашел отражение в образе птиц, земной — в виде зверей, прежде всего, копытных, подземный — в образе змей и рыб [8, с. 187]. Символом мирового дерева может быть столб, стержень, большое дерево и человек. Схематическое изображение «Рогатой» коновязи и Ж-образную форму знака можно сопоставить с образом мирового дерева. В этом изобразительном сюжете есть такие признаки жертвенного ритуала у мирового дерева, как изображения животных, привязанных к вертикальному столбу с раздвоенной вершиной; образ мирового дерева, как вертикального столба, лишенной кроны, и его полное соответствие Ж-образной пиктограмме; образ лошади у мирового дерева. На одной из скал горы Оглахты (Минусинская котловина) есть композиция из трех лошадей и человека. Человек в остроконечном головном уборе (по всей вероятности это калпак), на туловище которого подчеркнуты изображения ребер, держит двумя руками двух противостоящих лошадей за поводья. Пространственная структура композиции точно такая же, что и на рассмотренных выше рисунках, только вместо раздвоенного столба показан человек. Эти изображения относятся к VIII—VII вв. до н. э. [8, с. 266—270].

В эпосе «Манас» более конкретно отражены модель мира и мировое дерево. Модель мира представлена в таких традиционных строках «Манаса»:

Айың менен Күнүндүн
Бир өзүнөн бүткөндөй.
Алды калың кара жер
Жерлигинен түткөндөй!
Ай алдында дайранын

Толкунунан бүткөндөй.
Абадагы булуттун
Салкынынан бүткөндөй.
Асмандагы Ай-Күндүн
Жаркынынан бүткөндөй.

Из (самых) Солнца и Луны
Будто создан он.
Толща (черной) земли держит (его)
Только потому, что это земля!
Из волны подлунной
(воздушной) реки
Будто создан он.
Из прохлады воздушных облаков
Будто создан он.
Из блеска Луны и Солнца
Что на небе будто создан
он [3, с. 148].

По этим строкам «Манаса» видно, что Манас непосредственно связан с тремя элементами мира: небесным (солнце и луна), подлунным (подлунная воздушная река) и земным (черная земля). Если сюда добавить еще такие строки: «Между небом и землей опорой будто создан он» («Асман менен жериндин тирөөсүнөн бүткөндөй») [2, с. 55], тогда сам Манас выступает как Мировое дерево. Тогда мировое дерево является связующим звеном трех миров. Это подтверждается другими строками «Манаса», где говорится, что когда Манас выступал в бою против врагов, он становился очень грозным и страшным, так как его поддерживали «Ак-Шумкар», «Кумайык», «Тигр», «Змея», т. е. все три мира в образе этих животных. Это означает, что Манас выступает как единое целое этих трех миров, поэтому он всемогущ, непобедим как бог.

В эпосе «Манас» Бай-Терек (священный Тополь) выполняет также функции Мирового дерева в эпизоде, когда Чыйырды (мать Манаса), Каныкей (жена Манаса) и Семетей (сын Манаса), убегая от врагов в Бухару, останавливаются у Бай-Терека. Утомленные они упрашивают Бай-Терек укрыть и стать им защитой. И Бай-Терек откликается на их беду [5, с. 208].

К числу древнейших мифов кыргызов принадлежит культ матери Умай эне, связанный с культом плодородия, прародительницы, хранительницы огня, главы материнского рода. Образ женщины-матери относится к палеолитической эпохе. Об этом свидетельствуют сцены, отражающие культ плодородия, которые изображены в Акжылге, Сармыше, Саймалы-Таше, Тамгалы и других памятниках [8, с. 120, 270].

Культ матери Умай дожил до самого последнего времени в верованиях кыргызов. К Умай эне обращались кыргызские повитухи и знахари, произнося во время родов и при лечении детей заклинание: «Не моя рука, а рука матери Умай» («Менин колум эмес, Умай эненин колу»). А когда провожали кого-то, особенно детей, старухи напутствовали их словами: «Поручаю матери Умай» («Умай энеге тапшырдым»). Богиня Умай, упоминается в древнетюркских текстах VII—VIII вв., что позволяет говорить об этногенетических связях между современными кыргызами и древнетюркским кругом племен и конфедераций [1, с. 292].

Среди более ранних мифических представлений следует считать преставление о Солнце, которое выражалось через такие символы, как «зеркало», повозка и колесница, олень, конь и др. Гладкие «зеркала» известны по всей территории Евразии, которые являлись не только символом солнца и плодородия, но и предметом отражающим «душу», благотворно влияющим на человеческую судьбу. Другое мифическое

толкование Солнца в виде солнечной колесницы соединяло в себе представление о божественной силе солнца, его связи с плодородием, размножением животных, с пробуждением растений. Например, в некоторых могильниках (Шестаковском и Серебряковском) были зафиксированы случаи, когда под бронзовыми «зеркалами» лежали кучки зерен проса и пшеницы. Смысл этих жертвоприношений таково, что, отправляя умершего в «страну мертвых», живые давали ему «солнце» для освещения пути и зерна для пищи. Напомним, что многие кыргызы, особенно пожилые люди, до недавнего времени поклонялись Солнцу и Луне.

Среди петроглифов Средней и Центральной Азии известны около сотни изображений повозок и колесниц. А в петроглифах Саймалы-Таш встречаются земные и небесные колесницы, которые в определенном смысле являются уникальными, не имеющие аналогов ни в одном из известных петроглифических памятниках Средней и Центральной Азии.

«Золотые Олени», изображенные не только на камне, но и на бляшках полукруглым рогом или рогом в виде диска, или круглым отверстием на круге, изображены как «летающие». Движение их не только связано с солнцем, но и напоминает движение Солнца.

Постепенно, на протяжении II—I вв. до н. э., исчезает образ оленя, как символ солнца, а вместо оленя выступает конь. Например, изображение лошади с поджатыми ногами, соединенными круглым диском. Такая эволюция образа солнца объясняется кочевым и полукочевым образом быта, с увеличением хозяйственной роли лошади в жизни людей [4, с. 135—143].

Таким образом, мифическое мировоззрение у древних кыргызов [7, с. 6] сложилось в эпоху палеолита, и оно дошло до нас через такие формы искусства, как наскальные изображения, петроглифы, писания, а некоторые культовые действия существовали среди кыргызов до недавнего времени.

Список литературы:

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе, 1990. — 480 с.
2. Акмолдоева Ш.Б. Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). — Бишкек, 1996. — 150 с.
3. Манас эпосу. (Сагынбай Орозбак уулунун варианты боюнча) — Фрунзе, китеп II, 1979. — 317 с.
4. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979. — 211 с.

5. Молдобаев И.Б. «Манас» — историко-культурный памятник кыргызов. — Б., 1995. — 311 с.
6. Памятник наскального искусства Центральной Азии. — Алматы, 2004. — 176 с.
7. Саякбаев Ж. Древние кыргызы и их истоки. — Бишкек, 2003. — 187 с.
8. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980. — 328 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам

III международной научно-практической конференции

№ 8 (48)

Август 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.08.15. Формат бумаги 60x84/16.

Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 5,875. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»

630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.

E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного

оригинал-макета в типографии «Allprint»

630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3